

ГАЙ СЕБЕУС

**Та, чьё второе имя
Танит**

Гай Себеус

Та, чьё второе имя Танит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17192633

ISBN 9785447450724

Аннотация

...Когда смотришь из узкого коридора на внезапно распахнувшийся объём залитого светом зала, он представляется фантастической сферой. Впадины и выпуклости теряются, как мелочи, перед величием и светом. Да что там! Даже себя ощущаешь мелким и выключенным из этого великолепия: будто смотришь на иной мир из своего, тесного и усталого.

Содержание

Любимец Танит	6
1	6
2	11
3	14
4	18
5	20
6	25
7	27
8	29
Запутанные завитки смыслов	31
1	31
2	35
3	39
4	44
5	47
6	51
7	55
8	59
9	64
10	67
11	72
Тайна таны	75
1	75

2	80
3	85
4	88
5	93
6	98
7	104
8	107
9	111
10	115
11	120
12	124
Чёрный шум	130
1	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Та, чьё второе имя Танит

Гай Себеус

© Гай Себеус, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любимец Танит

1

Покровительство Танит мощно, но непостоянно. В день тридцатый, слабея, она уходит. Тут-то и может произойти непоправимое.

Когда младший из Седых Странников опомнился и понял, что незащищен, было уже поздно. Дикая всадница, по-змеиному извернувшись, кнутом выстегнула ему глаза.

Сердце его куполом взмыло ввысь и замерло, беспорядочно кувыркаясь в огромной боли. Голубоватое лицо обтекло кровью. А она, торжествуя, рывком ножа сорвала с этого лица мёртвые уже глаза и прошипела в бессветное небо.

– Теперь он мой!

Та, чьё второе имя Танит, была просто бессильна.

Какими путями дошла дикарка до осознания силы своего кнута над величественными и могучими Странниками, которые обычно спускались с небес светлыми лунными ночами? А тут, заплутав, обозначились вдруг на тёмном небосклоне?

Какое наитие снизошло на это необузданное существо с мышлением коварного животного?

Но это был миг её торжества!

Такое не удавалось ещё никому! Ей, Косой Сахмейке, первой и единственной из амазонок удалось захватить столь значимого пленника! Самого Седого Странника! Он просто не успел уйти от неё, опрометчиво решив, что без оружия она не опасна!

На горизонте медленно дотаивали его собратья.

Скоро они поймут, что младший из них отстал. Но на этот раз Танит не протянет им спасительные руки света. И он потеряется для них навеки в путаных тёмных переходах между мирами.

Без своих немислимо светлых глаз любимец Танит, лежащий у её ног на сухой траве, был вполне похож на обычную добычу.

Любые мужчины из дальних стран были в Тан-Амазоне в цене! От них получалось крепкое потомство, способное со временем пополнить армию амазонок. Но похвастаться пленённым Седым Странником до сих пор не мог никто!

Сахмейка с любопытством всматривалась в добычу.

Он не жаловался на боль. Это было хорошо. И не просил пощады. Это было ещё более ценно.

Амазонкам не нужны кровь и семя слабаков.

Он только поднимал и поднимал своё голубоватое лицо к небу...

Будто пытался что-то отыскать безвозвратно уничтоженным взглядом. Будто ещё не верил, что этот излом судьбы навсегда!

Тогда она грубо ткнула его кнутовищем в затылок, и, чтобы сломить окончательно, по-хозяйски наступила на спину!

Конь Странника был под стать хозяину: светлый и невиданно рослый. Привычной рукой Сахмейка легко отловила его.

Крупная добыча! Пусть знают все её недруги, на что она способна! Думали, что уничтожили её!

Он, конечно, ослеплён. Но это единственный способ не дать ему уйти. Все амазонки знали: сила перемещений у Седых Странников в их таинственных взглядах.

Ну, ничего, кроме этой, он владеет множеством других тайн взаимодействия со стихиями. И все они будут брошены к ногам предводительницы амазонок – Славной Мирины!

За это, пожалуй, Сахмейке могли бы вернуть так позорно утраченный браслет!

Унизительное воспоминание жестоко разгрызало её память, терзало самолюбие.

...Жрец в крупной змеиной маске угрожающе навис над нею. Мирина бездействовала, лишь её пристальный взгляд исподлобья обезоруживал, мучил, не давал исхода.

А у неё, Сахмейки, пустые руки, без оружия, без привычного кнута. Даже голой она не ощущала себя столь беззащитной.

И все против неё. Все, даже подруги.

– Что для нашего племени самое позорное? – властный жрец умело подводил собрание Тан-Амазона к запланированному решению.

– Трусость в бою!

– Предпочтение мужчины интересам племени!

– Предательство! – С последним выкриком участь Косой Сахмейки была решена.

Её браслет-змея был расплавлен и выплеснут.

Нет, не в лицо, чего она так боялась, мысленно подвывая от предчувствия едкой боли.

Хуже.

Жарким плюхом перед ней на землю, прямо в площадной сор – в знак презрения и отторжения.

Её приговорили больше, чем к смерти – к мучительному позору изгнания, к одиночеству. А бывшие подруги плётками, пропитанными конским потом, гнали её от Тан-Амазона, как прокажённую.

Её мозг визжал от возмущения. По пути она падала и билась в конвульсиях бешенства.

Но подруги не сжалились: ни одна не позволила себе ни слова сочувствия! Только сторонились её, как падали!

Сознание спасительно отключилось, давая время сми-

риться с позором. Очнулась она в степи, залитой призрачным лунным светом. Одна.

Прошёл ливень. В бесчисленных лужах и ручьях отражалась новорождённая Танит. Заглядывала в глаза, напоминала о себе, подрагивала, подталкивала к жизни.

Таинственные невнятные тени скользили по мокрой степи, подобные мутным, спутанным мыслям в голове измученной Сахмейки.

Но в том-то и коварство Танит, что она не светит сама, а лишь отражает чужой свет. Она не создаёт идеи, а лишь проявляет уже имеющиеся.

Грохот собрания, приговорившего Сахмейку к изгнанию, горячечно перемежался в её голове с тишиной ночной степи.

Зазоры между явью и мороком – опаснейшая вещь! В них-то и просочился безумный соблазн практически неисполнимой мечты: доказать им всем, что она лучше их всех! Чтобы пожалели, что лишились её!

От помешавшихся старух-змеиных, гревших стылые бока во время ночных посиделок у костра, не раз слышала она о коварной силе Белоглазой Богини ночного колдовства.

Это было опасное предприятие: Белоглазая Богиня помогала не даром. Могла забрать в обмен самое ценное. Но ничего ценного у Сахмейки на тот момент не оставалось, поэтому и терять ей было нечего – так она рассудила.

Она хлебала пульсирующую кровь жертвенного зверька

с жаркой уверенностью, что всё у неё должно получиться.

И когда перекрёсток трёх тропинок осветился столбом белого света явившейся трёхликой Богини, она с жаром пролепетала заплетающимся от разъедающего её честолюбия языком.

– Сделай так, чтобы моё имя запомнили в Тан-Амазоне навсегда!

Ночью, после этого, ей приснились Седые Странники. И вечерние зори, вспыхивающие от их взглядов. И тающий в них стук копыт. И хлёткий удар ветра, мигом смешивающий краски на небосклоне.

Наутро, едва проснувшись под завыванье ветра, она уткнулась взглядом в висящий кнут.

Читать знаки – её не надо было учить. В Тан-Амазоне все этим владели с рождения, с момента надевания первого браслета.

Поэтому связать воедино ночные и утренние видения для неё не составило труда. А кнутом она владела лучше, чем оружием.

После этого надо было только дожидаться прихода в степь редкостных ночных гостей. И обязательно в новолуние, чтобы избежать помех со стороны Танит, покровительствующей Седым Странникам.

И у неё всё-всё получилось!

Сахмейка была почти счастлива предвкушением своего торжества.

При ближайшем рассмотрении её пленник внешне оказался даже лучше красавчика-перса из-за которого всё началось.

3

Зря она тогда подралась с Акерией из-за этого перса. Знать бы, что всё так обернётся!

Перс был лекарем, и ей очень хотелось заполучить его. Потому что им можно было наслаждаться дольше обычного срока жизни для пленных мужчин.

Однако в схватке за него победила крупная телом Акерия, и это можно было предугадать. Сахмейку освистали и с позором вытолкали с площадки. Наблюдать неудачниц амазонки не любили.

Тогда Сахмейка затаилась. Злоба и зависть изводили её до того, что к врождённому косоглазию добавилось подёргивание век. Яд просто переполнял её змеиную сущность.

Она дождалась очередной стычки со степняками за табун диких коней и страшно отомстила Акерии.

Табун был небольшой, со стороны степняков опасности особенной не предвиделось, и Славная Мирина доверила командование молодой Акерии.

Сахмейке отведена была небольшая, но очень значительная роль: она должна была факелом пугануть табун, да так, чтобы он снёс отряд степняков. А уж потом дело завершат амазонки с Акерией во главе.

Сахмейке совсем не хотелось, чтобы бой был удачным. Она страстно желала провала удачливой соперницы.

Но свою роль надо было выполнить безусловно, что она и сделала.

Бой с разозлёнными степняками был беспорядочный, будто сцепилась свора бешеных псов. Командование не давалось Акерии.

Ей казалось, что личного героического примера достаточно для удачного исхода. Но каждая из подруг в её отряде, из самых лучших побуждений, тоже геройствовала по-своему. А всё это вместе превращалось в хаос.

Сахмейке долго не удавалось приблизиться к Акерии, вокруг которой бешено клубились визжащие степняки. Это жутко раздражало! Не раз и не два ей пришлось случайно спасти жизнь ненавистной сопернице, орудуя то мечом, то кнутом, то топориком-лабиром.

Она даже перехватила её благодарный взгляд. А всего-то и было, что несколько взмахов двусторонним лабиром вперёд-назад, как учили с детства! Головы врагов, как правило, бывают не готовы к подобному манёвру...

Но мысли – остановиться на этом этапе отношений и тем способствовать успеху соперницы – даже не возникло.

Сахмейку ещё больше озлило везение ненавистной Акерии. Даже ей самой выпадает спасти проклятую соперницу! Хотя на самом деле в этот миг речь шла о спасении и собственной жизни.

Злобно рванув узду и окровавив губу коня, она почти при-тёрлась к коню молодой предводительницы. Надеялась, ни-

кто не узнает о том, что именно её нож нашёл щель между пластинами доспехов.

Но Акерия, удивлённо взглянув, извернулась, и рука Сахмейки соскользнула с залитой кровью рукоятки. В тот же миг меч степняка рассёк горячий воздух, и испуганный конь понёс.

Степняки, моментально почуяв запах крови и лёгкой добычи, окружили отбивающуюся из последних сил амазонку непроницаемым кольцом. Жадность толкала их поспешать: кто вперёд захватит, тому достанется больше. А больше всего их привлекали сияющие пластинчатые доспехи и оружие из крепчайшего металла, который они ещё не умели делать.

Сахмейка, наверное, ещё могла спасти Акерию, она была к ней ближе других. Все это видели и, наверное, рассчитывали на это, не подозревая, что у неё совсем другой план.

Поэтому, когда степняки сбили умирающую предводительницу с коня и начали уже окружать Сахмейку, она крутанула свой браслет, змеёй стекла с седла под брюхо своего коня и ушла высокой травой.

Бой за табун был проигран.

Без предводительницы отряд амазонок рассыпался. Более того, степнякам удалось добить раненых и забрать все доспехи.

На площади Тан-Амазона, у изувеченных тел так позорно разоблачённых амазонок, собрались все жители. Мужчины скромно теснились позади.

Распалённые поражением и гибелью подруг, амазонки судили Сахмейку, из-за предательского бегства которой всё пошло не так.

Окончательный приговор вынес проклятый лекарь-перс: из тела Акерии он вынул именной нож Сахмейки и торжественно предъявил его собранию, высоко подняв над головой. После этого отпираться не имело смысла.

4

Вновь окунувшись памятью в глубины своего позора, Сахмейка запылала свежей злобой к своим гонителям.

И после всего этого она преподнесёт им свою драгоценную добычу – Седого Странника? Тем, кто не смог оценить её по достоинству?

А вдруг они, отняв Странника, опять выгонят её из города?

От этой мысли Сахмейка похолодела.

Конечно, как она не додумалась! Надо закрепить пленника только за собой, повысив тем самым собственную цену! Только в этом случае можно рассчитывать на возвращение!

Правда, добычу принято было распределять между всеми – по достоинству. Достоянейшим, опытнейшим в битвах воительницам всегда доставалось всё лучшее.

Но ведь они сами выгнали её? Значит, она вправе ни с кем не делиться!

Сахмейка искоса взглянула на Странника, возвышавшегося рядом с ней. Белую повязку на глазах почти скрывали свисающие седые пряди. Он больше не откидывал их с лица, ненужная теперь привычка ушла.

Совсем ещё мальчик. Но уже статен, красив, хотя и непривычной, холодноватой красотой. Ей, конечно, больше по душе была жаркая красота персов и их неустанная охочесть

до любовных утех.

Но спасти её могла только кровь этого Седого Странника.

Она очень надеялась, что он передаст тайное Знание взаимодействия со стихиями не только её предполагаемому ребёнку, но и ей самой. Вот тогда в Тан-Амазоне она стала бы почти равной самому жрецу!

Но Странник не желал делить с ней ложе.

Сахмейка, извиваясь змеёй, и умом и телом пыталась соблазнить его. Никогда ещё не сталкивалась она с такой трудностью. Прежние пленники были гораздо сговорчивее в этом отношении.

Страстно припадала она к его голубоватым щекам – он отстранялся. Приходила в его постель среди ночи – он вставал и выходил из шатра. Пыталась разговорить, задобрить – он оставался холоден, подобно своей льдистой голубоватой коже.

Она заметила, что он любит по ночам ловить лицом отсветы Танит. Пыталась запретить. Он покорялся. Дни шли за днями. Но ничего не менялось. Он отказывался относиться к ней как к женщине.

Обычаи амазонок не казались ему убедительными, хоть она и пыталась рассказывать ему и о подвигах, и о тайном знании превращения в морских змей, и о традициях в отношении пленников. Он слушал молча. Да и слушал ли?

– У Тан-Амазона заношенная, усталая судьба, – говорила она. – Нам так нужна свежая кровь! Если ты боишься, что после этого я тебя убью, обещаю не делать этого!

Говоря это, хитрюга почти верила сама себе! Так хотелось ей победить его холодность!

– Убей меня сейчас, сжался! – слышала она один и тот же ответ день за днём.

– Я не знаю живых чувств, типа жалости. Ты же знаешь, кто я. Змея. Хоть и лишили меня браслета и возможности превращения, я остаюсь змеей. Можешь не стараться просить. Лучше обними меня! Мне так нужно это!

– Уйди, от тебя несёт речной тиной, – был однообразный ответ.

Седой Странник уже знал, что для амазонок нет большего оскорбления, чем это.

Не раз она доставала нож, и даже замахивалась. Он будто чувствовал её гнев и с готовностью шёл навстречу ему. Шёл, будто зрячий, ощущая окружающее неведомыми ей чувствами.

Потом поднимал безбородое лицо к небу, будто утыкался взглядом в тупик своей слепоты и плакал пустыми глазницами.

Она опять опускала нож. И опять ждала.

Сахмейка должна была бы возненавидеть непокорного пленника. За пренебрежение своей женской природой, за отдаление мечты. Но не могла. И сама не понимала себя.

Она, по-змеиному чуткая, никак не могла настроиться на своего чужеземного гостя. Иногда ей казалось, что она совсем близка к этому. Но нет. Минутная открытость на лице Странника вновь сменялась выражением отстранённой обречённости. И ей хотелось злобно зашипеть от ощущения чего-то безвозвратно упущенного.

Если бы их не объединяла охота ради добывания пропитания, совместное проживание под общей кровлей стало бы просто невыносимым.

По пути она затевала разговоры, надеясь хоть как-то смягчить пленника, расположить его к себе. Как-то раз она решилась спросить, почему не вернулись за ним его собратья. Помолчав, он ответил раздумчиво, будто себе.

– Сначала заблудились. А потом, став слепым, «неделающим», я потерял своё имя, взял новое. А они искали меня под старым именем.

– А как твоё имя?

– Оно не для тебя. Зови меня Странник.

Он замечательно помогал ей охотиться, несмотря на сле-

поту. Ветвящиеся альтернативы поведения зверей и птиц были для него естественны и открыты. И он не понимал, что удивительного в том, что у него легко получалось предугадать каждый их непредсказуемый взлёт или прыжок.

Только оружия она ему не давала. Уверена была: сразу убьёт себя, сбежит от неё через смерть. А она уже втянулась в их странное общение.

Впрочем, с ним рядом Сахмейка чаще всего ощущала себя зверьком. Одним из тех, на кого они охотились.

Когда эта мысль пришла впервые, она вдруг с обидой поняла, почему он не желает её. С таким мышлением и поведением он не считал её человеком, равным себе.

Именно это странное сочетание – животности в человеческом обличье – и сбило его при их первой, роковой для него встрече, чего он никак не мог себе простить.

Она пыталась доказать, что похожа на него хоть в чём-то, рассказывала о своих увлекательных путешествиях в морских глубинах в облике морской змеи, в те времена, когда у неё ещё был браслет.

Увлекаясь, расписывала в красках зеленеющие столбы лунного света, пронзающего водные пласты. Упрекала, что если бы не его упрямство, она давно нашла бы способ вернуть себе браслет амазонки. И её жизнь была бы несравненно богаче и полноценней. Пыталась расспрашивать о том, как, какими чувствами ему удаётся ориентироваться без зрения.

Он выслушивал её эмоциональные рассказы с совершен-

но бесстрастным лицом. Но никак не желал признать её хоть в чём-то равной себе. И наотрез отказывался что-то рассказывать сам, а тем более обучать своему тайному Знанию. Не желал делиться, считая её не готовой к восприятию.

Она уже не раз порадовалась, что не поспешила представить его взыскательному собранию Тан-Амазона. Вот был бы позор, если один из знаменитых Седых Странников отказался бы раскрывать свои тайны там, при всех. Хороша была бы она при этом!

Сахмейка всеми силами пыталась переубедить Странника, приводя в пример тайные знания жрецов в Землях Тана. Конечно, далеко не все они являли собой пример высокой человечности. Однако умели и лечить, и карать, и предсказывать, и отводить беду.

– Очень жаль, – отвечал он. – Таких, как они, нельзя допускать до Техник, которыми они овладели неправым путём. А правый путь – это века совершенствования.

– Века? Но я не могу столько ждать! Есть же исключения?

– Есть, но они все неправые. Я уже достаточно наказан за одну свою ошибку. Множить их не буду.

– Но если мне уже сейчас дано видеть вещие сны, может быть, я уже готова к восприятию? (Она не стала рассказывать ему о своём обращении к Белоглазой Богине).

– Для неправого пути достаточно обычного стресса. У одних это удар грома, у других – родовая травма. А у тебя это, возможно, была травма от изгнания.

Сахмейка не стала уточнять, откуда он знает о её изгнании. И поняла, что о Белоглазой Богине он тоже знает. Может быть, потому и упорствует. И ещё она поняла, что как ни старайся, даже пытками не вырвет из него откровенности.

У неё оставался последний вопрос.

– А ты можешь знать будущее?

– Да, во всех его вариантах. Главное, какой из них выбрать для себя.

– Скажи, хоть в одном из них ты мог бы полюбить меня? – с трудом проговорив это, она остановила дыхание.

– В том понимании любви, что принята у нас – нет, прости.

Услышав это «прости», Сахмейка неожиданно для себя разрыдалась.

6

Но однажды...

Однажды в полнолуние она проснулась оттого, что кто-то тихо-тихо бормотал, будто в горячке молитву выговаривал. Жарким-жарким шёпотом просил-вымаливал.

Она рывком села. Звуки истончились и погасли. Да и не было никаких звуков.

Странник спал поодаль. Она слышала его сонное дыхание.

Закрыла глаза, притихла – звуки вновь запульсировали в голове.

Не удерживай меня. Конь копытом бьёт.
Не удерживай меня. День-заря встаёт.
День-заря встаёт в ночи. Не зови, молчи.
Не зови меня, прошу. Отпусти в ночи.

Как мне бóльна боль твоя. Будто знаешь что.
Будто знаешь, не вернусь. Не вернусь потом.
Как ладони горячи. Горячей огня.
Не удерживай меня. ...Удержи меня.

Она протянула руку к Страннику. Как будто его мысли бились в её бедной голове... Как? Как это может быть?

Тело юноши дышало жаром, руки безвольно метались. За-

болел? Чем лечить его, такого?

Она подняла полог шатра, впустила холодный ночной воздух, пропитанный лунным светом.

Та, чьё второе имя Танит, немедленно взялась властвовать над Странником. Обтекла бледно-голубоватое безбородое лицо, высушила длинные седые пряди волос, остудила жар.

Он задышал ровнее и успокоено уснул.

Сахмейка не решилась опускать полог. От осеннего холода она заслонила Странника собой. Он благодарно обнял её, шепча что-то на незнакомом языке, повторяя чужое красивое имя.

Наутро Косая Сахмейка вела себя так, что он и не догадался, что она получила от него желаемое.

Зиму они провели вполне мирно. Часто она уходила охотиться одна, оставляя его поддерживать огонь.

В степи не раз встречалась с амазонками. По некоторым враждебным признакам поняла, что ни пленённый ею Седой Странник, ни её беременность не остались в родном городе тайной.

И ещё поняла, что, не убив его за ненужностью, создала очередное обвинение против себя в Тан-Амазоне.

Она не могла знать только одно, что жрецы получили предсказание старика Протея: в следующем поколении ребёнка, которого она вынашивала, будет жить душа этого Седого Странника. В связи с чем Тановы земли ожидают большие потрясения.

Жрецы были озадачены этим предсказанием. И не знали, как им теперь поступить.

Тем временем истекла весна. С горькими тюльпанами, холодными ручьями и томленьем перелётных птиц.

От Странника Сахмейке удавалось скрывать свою беременность до последнего дня. Несмотря на владение тайным Знанием, он был так молод и неопытен!

Особенно трудно было последние недели отвыкнуть от совместных верховых прогулок, в которых она испытывала острейшую потребность.

Правда, Седой Странник чувствовал что-то незнакомое для себя и очень тревожился, не зная, как это себе объяснить. Но она старалась хранить его покой и отвлекала всяческими хитростями.

За зиму и весну она очень изменилась рядом с ним. И он почувствовал это, даже стал более разговорчив.

В ответ она впервые для себя испытала совершенно новое чувство – вину. Вину за обманом украденную ласку, за нанесённое увечье, за принужденье.

Он становился ей всё дороже своей бесстрастной холодной красотой, своим нездешним незлобивым поведением, своей неразгадываемой тайной.

Вот только роды открыли для него всё. Стали ударом. Приговором.

Оказывается, он всё-таки отдал свою кровь, свою магическую силу потомству этой хитрой дикарки! Он не устоял, он всё же совершил преступление, прощения которому нет!

Пока она лежала обессиленная, подтёкшая родовой кровью, ему удалось завладеть ножом, которым она только что перерезала пуповину своему младенцу.

Она не успела помешать ему.

Он всё же ушёл.

Её шатёр, казалось, был ещё сыт запахом крови родильницы и самоубийцы, когда в него вошёл жрец и протянул руки к новорождённому мальчику, собираясь продолжить пир Таната.

Мальчиков в Тан-Амазоне принято было убивать.

Это был целый ритуал.

Красивый, полный восхваления женского воинского мастерства. Тратить силы на выращивание мужчин здесь никто не собирался. Хватало пленных, которых использовали и уничтожали, когда надобность в них отпадала.

Тогда на тот же нож, которым только что убил себя Седой Странник, Сахмейка медленно повернувшись, обессилено легла сама.

Она знала, что теперь жрецы будут вынуждены сохранить жизнь её сыну. Раз он – последняя кровь рода, значит, согласно закону предков, хоть и мальчик, должен жить!

Младенец притих в руках жреца, будто почувал, что сейчас решается его судьба.

Жрецы совещались недолго. Озадаченные мутным предсказанием Протея, они решили, на всякий случай, всё же избавиться от младенца. Но как?

Убить его было нельзя.

Но можно было отдать сохранение его жизни на волю бо-

гов. Если тем будет угодно, младенец выживет в любых условиях. ...Жрецы верили в силу и мудрость своих богов...

Так младенец с магической кровью Седого Странника и подлой предательской кровью Косой Сахмейки одной лунной летней ночью оказался под стенами соседнего Тан-Аида.

...Ветер буйствовал в степи. А здесь, под высокой крепостной стеной было лунно и тихо.

Танит застелила облако под собой пеленой света и расположилась, храня сон ребёнка до утра. Пока не утонула в светящем небе.

Когда тонкий стебель повилики, ища опоры, закудрявился по лицу младенца, он чихнул и проснулся. Молчал он недолго. Охрана Тан-Аида пережила это утро с трудом, всё собираясь пойти и притопить ненужного найдёныша в море.

От этого насущного дела их отвлекла семья перегоняющих стада пастухов. Овцы в полнолуние были крайне беспокойны. И пастухи торопились поскорей найти им свежие пастбища. Они-то и забрали Подкидыша, соблазнившись его здоровым видом.

...Знала та, чьё второе имя Танит: всё неслучайно в этом мире. А если и случайно, то цепь случайностей неминуемо сложится в узор, подобно ищущему опоры стеблю повилики.

Запутанные завитки смыслов

1

Чиста вышла из шатра, будто на зов.

Пятно тёмного облака на совершенно плоском туманном небе притянуло её узловатый палец. Тогда запутанные завитки смыслов стали укладываться во вполне внятный орнамент.

К тому времени, когда из белой пелены проявились два всадника, старая Чиста уже была подготовлена Знанием. Ради чего это всё – то, что сейчас произойдёт.

– Да за каким же лядом ты таскаешься за ним, дитяtko? – старуха, причитая и кряхтя, стащила с седла скрюченную женскую фигурку в бесчисленных накидках, пропитанных туманом.

Та и впрямь, будто окостенела от долгой дороги, от усталости, от страха, наконец.

А великан-танаид, сдав жену на попечение старухи, даже не спешил. Сразу вернулся к стаду. Шапка гребнем с ши-

роким оплечьем придавала ему вид угрожающий. Псы метнулись за хозяином.

Старуха кое-как ввела женщину в свой шатёр. Подкинула кизяка в чуть теплившийся огонь и заварила травы, отщипнув с приговором от нескольких пучков. Насильно сунула в ледяные руки тёплую плоску с отваром. Ощувив в ладошках тепло, женщина, будто растаяв, заплакала.

Старуха не реагировала на её всхлипы: в этих краях не принято потакать слабости. Слабые должны были вымирать. И им позволяли это делать, не задерживая. Так будет лучше для всех. Потому что для продолжения рода имело смысл оставлять только сильнейших. Тех, кто способен бороться.

Тёплый отвар сделал, наконец, своё дело. Всхлипы прекратились. Гостья откинула растрепавшиеся длиннющие косы, вытерла лицо и с усилием стянула с себя несколько накидок.

Перед изумлённой старухой предстала крошечная молоденькая женщина. С яркими каплеобразными глазами степнячки на бледном нежненьком личике. Огромный живот на развернувшейся худенькой фигурке смотрелся чуждо.

– Что ж ты делаешь с собой! – запричитала возмущенная старуха. – Даже наши женщины в таком сроке не ездят верхом! А ты! Неужели ж не можешь оставить своего мужа на короткий срок! Загубишь и себя, и дитя, нескладная!

– Мне нельзя оставлять мужа, бабушка. Мой отец, если

догонит его, в пыль сотрёт. Пока я рядом, надеюсь, что отец управляет своим гневом.

– Вот как оно! А я, было, подумала, что из вас двоих сильный – он.

– Конечно, он. Он ведь мой муж. А я за него боюсь.

– А ты не боишься, ...что твой муж ...похож на Седых Странников?

– Боюсь.

– А ты не боишься ...родить девочку?

– Боюсь.

– Он рассказал тебе обо всём?

– Конечно!

– Так зачем же ты...

Договорить Чиста не успела. Сквозь полог, нагнувшись из-за высокого роста и от этого став ещё более устрашающим, вошёл великан-танаид.

Стащил шапку и дорожную накидку. Сел к огню и прямо взглянул в изумлённое лицо хозяйки.

– Много болтаешь, старуха!

Его белый взгляд был ей не по силам. Она отвернулась и хотела выйти: надо кормить гостя. Но тот схватил её за запястье, выцепив из складок рукава блеснувший браслет-змею.

– Амазонка?

В ответ старуха лишь выпрямила спину и вызывающе взглянула в его невыносимо светлые, нездешние какие-то

глаза.

– Что ж, – вздохнул танаид. – Это хорошо. Значит, мы почти дома, Айгуль. Ты рада?

Айгуль смолчала, лишь с преданной улыбкой вложила свою мелкую ладошку в руку гиганта мужа.

2

С рассветом гости собрались в путь.

Чиста согласилась присмотреть за их стадом, которое могло помешать уходить от погони.

Поэтому, наверное, великан-танаид не торопил жену, которую суетливая старуха постаралась снабдить кучей узлов и мешочков.

Он просто с высоты седла то ли всматривался, то ли вдумывался в туман своими чудными, полными пустоты глазами. Его седые пряди временами неотделимы были от окружающей белой мглы.

Старуха приладила к коню Айгуль удобное женское седло, гениальное изобретение Тан-Амазона. Застелила его шкурами, и добавила тёплый полог с застёжками.

Маленькая женщина благодарно задержала в горячих ладошках сухие руки старухи.

– Не тревожься так, бабушка. Я не жертва. Я знаю, что делаю. Так же, как и ты.

Пока удивлённая Чиста подбирала слова для ответа, танаид подхватил жену и ловко вознёс в седло. После этого медлить уже не имело смысла.

Надоевший туман оставил путников за излучиной Тана. Но он же перестал их охранять. К полудню вскипающие над степью тучи накрыли их душным пологом. Тут же подоспела погоня.

Посвистывая, хищно вцепившись крючками ног в конские бока, отцовские посланцы радостно настигали вождь-ленную добычу.

Оставалось распоследнее средство, чтобы избавиться от них!

Гигант-танаид, сверившись взглядом с мнением жены, отчаянно стеганул её коня, пустив вскачь по направлению к завидневшимся на горизонте стенам Тан-Аида. А сам совсем по-волчьи запрокинул голову к небу.

Она не слышала его мольбы. Она только увидела выросшие на горизонте облака в форме трёх Седых Странников. И гневно грохнула гроза.

Что гроза детям степей? В горячке преследования, ошестинившись пиками, степняки даже не обратили внимания на то, что воздух рассекли водяные и огненные струи!

Вожак гортанными кликами подстёгивал их азарт! Хрипели кони! Комья грязи неслись из-под копыт!

И только когда молния вошла в его пику, всё остановилось для него, а значит, и для них.

Айгуль не видела смерти отца. Она лишь почувствовала, как ёкнуло сердце, и обтекла, омылась потом. Будто своей виной, которая будет омывать её теперь до самой смерти.

Живот сразу закаменел, подкатился под самое сердце. Горячим плюхом отошли воды. И ребёнок, так несвоевременно, не дожидаясь остановки бешеной скачки, начал продираться сквозь материнское тело наружу.

Хрустя зубами от рвущей боли, она уже не видела, что конь внёс её в ворота Тан-Аида.

Дозорные подхватили поводья и еле успели удержать падающую с седла мертвеющую женщину. Их ужаснули окровавленные конские бока.

– Неужели ранена?

И только неведомо откуда подоспевший к городским воротам жрец Гиер понял всё сразу, будто знал заранее.

Дозорные безмолвно уступили ему место возле истекающей кровью путницы. Подчинились угрозе, исходящей от его волчьей маски, от отставленного в сторону ритуального жезла и от пущенного в дело ножа.

– Подкидыш всё же добыл себе жену, – с досадой пробормотал Гиер. – Какой теперь смысл спорить с неизбежностью?

Он рывком высвободил из окровавленного полога новорождённого ребёнка. По обычаю танаидов, поднял его к небу и поклонился на три стороны.

– Волчица принесла волчонка! Волчица принесла волчонка! Волчица принесла волчонка!

Младенец всхлипнул, раскрыл глаза и завопил, широко разевая беззубый рот. Но крик его никого не отвлек. Сбежавшиеся танаиды искали ответ на главный вопрос.

– Девочка?

– Смотрите, это девочка! А смотрите, какие глаза! – шорох ужаса пронёсся среди дозорных и подбежавших зевак.

– Да, как ни увиливай, а предсказание ломится в судьбу!

– Говорили жрецы, что надо было убить Подкидыша! А теперь он нашёл себе жену!

Все замерли, тоскливо глядя на Гиера с девочкой на руках. Что же теперь будет? Ужасное предсказание сбывалось, как они ни осторожничали! Конечно, можно было ещё избавиться от младенца... Он так слаб и ничтожен...

Но тут в ворота Тан-Аида ворвался гигантский всадник с развевающимися седыми волосами. На скаку слетел с коня и как вкопанный встал между слабо шевельнувшейся ему навстречу женой и младенцем в руках жреца.

По его бешеному взгляду Гиер понял, нельзя упускать из рук управление ситуацией.

Тогда стянув с пальца перстень с раскрытой волчьей пастью, он с великим усилием поймал им крохотный мокрый пальчик новорожденной.

Кулачок сжался, будто согласился с предложенной судьбой.

– Белоглазая тана родилась! – провозгласил Гиер, подняв малышку над головами обречённо застывших танаидов.

3

Бласт готов был слушать свою Петал бесконечно.

Картины прошлого Края Белоглазых Тан живыми вставляли перед его глазами. Будто он шёл все эти годы рядом и с её дедом – безымянным Седым Странником, и с отцом – так и не избавившимся от случайного имени Подкидыш. Диковинные обычаи амазонок, таинственные предсказания танайдов будоражили воображение, пугали, выдёргивали из памяти то страшное, что с ними случилось год назад. От чего они еле сбежали, что хотелось забыть.

Благодаря этим рассказам, он заново узнавал свою любимую. Заново понимал её.

Она передавала ему то, что слышала о своей семье от Чисты.

Знахарка Чиста вспоминала так, что казалось, была свидетелем всех этих удивительных происшествий, приведших Край Белоглазых Тан к таким трагическим последствиям!

Но как могла она знать все детали давно минувших событий? Люди так долго – рядом с несколькими поколениями – не живут!

А вот от своего отца Петал почти ничего, на протяжении

всей своей жизни, не могла выпытать. Отец не любил вспоминать.

У него все силы отнимала борьба. Сначала за свою жизнь – жизнь подкидыша невысоко ведь стоила в глазах всех окружающих.

А потом и за жизнь своих детей.

Но в одном Петал была уверена: если бы не забота о своём потомстве и не великолепные бойцовские качества отца, – ей и её братьям и сёстрам было бы не выжить!

Отец всю свою жизнь руководствовался каким-то полуживотным инстинктом выживания. Насторожённо выстраивал стену между собой и враждебным окружающим миром. Не верил в доброе к себе отношение, был в таких случаях ещё более подозрителен, чем при откровенно враждебных встречах.

Петал часто задавалась вопросом, почему?

Он не мог знать о трагических событиях того дня, когда появился на свет. Не мог знать о том, что, начиная с самой первой минуты жизни, постоянно стоял вопрос о его умерщвлении. Но, наверное, он это подсознательно, по-звериному, чувствовал.

Со своими большими стадами он, с помощью целой армии подпасков, каждое лето кочевал на север, покидая выжженные солнцем южные степи.

Возвращался с подрощенным приплодом коз, овец и ... детей.

Детей, рождённых ему женщинами кочевников. У этих северян был странный обычай: в порядке гостеприимства предлагать страннику жену или дочь.

Но если рождался белоглазый, в отца, ребёнок, их это жутко пугало. Они сторонились «чуди белоглазой»! Такое дитя, откочёвывая, всегда оставляли на покинутой стоянке.

Впервые столкнувшись с этим, Подкидыш испытал шок.

Будто что-то вышвырнуло его в то время, когда он, новорождённый, беззащитный, сам лежал под стеной Тан-Аида, ожидая чьей-то милости к своей никчёмной жизни.

Так в их семье стали появляться «маленькие подкидыши».

Айгуль не противилась подобному расширению семьи: она боготворила мужа. Её собственные дети были белоглазыми все. Одним больше, одним меньше – какая разница? Молока и мяса, слава всемогущим богам и любимому мужу, хватало на всех! А о чём ещё заботиться? Для танаидов в этом не было ничего предосудительного: выжившие дети были удачей любой семьи.

Тем более что в соседнем Тан-Амазоне к вопросу деторождения относились ещё более легкомысленно. А в Беловодье так вообще был культ плодovitости, посвящённый богине Росте!

А муж, взбодрившись кумысом или ядрёным таном, философствовал.

– Буду плодиться из последних сил! У меня с рождения

ощущение, будто ко мне уже протянула руку смерть и лишь на мгновение замерла с протянутой рукой. А мне нужно успеть выжить! Успеть нанести свой узор на скалы вечности!

Айгуль, как хорошая жена, понимала, что мужу необходимо это ощущение упрочения на земле, как компенсация за его идущую из детства сиротскую ущербность и слабость.

Позже, когда его дети, особенно девочки, стали проявлять необычайно мощные, по сравнению со своими сверстниками из других Тановых городов, мистические способности, он удовлетворённо ворчал.

– Я как греческая амфора с заострённым донцем! Чем больше качка, тем плотней усаживаюсь в своём гнезде! А был бы плоскодонным, давно б снесло волной, никто б и не вспомнил, что я был на белом свете!

Но говорлив он был, только напившись кумыса. А вообще он всё больше молчал. Теперь это навсегда. Вместе с соплеменниками он навеки окаменел на одном из холмов под Тан-Аидом, так и не дождавшись спасительного восхода.

Для Петал осталось загадкой, почему отец не увёл свою многочисленную семью из Тан-Аида. Тогда как некоторые их соседи, услышав о пророчестве, грозящем окаменением их светлоглазым дочерям, сразу снялись с насиженного места и растворились за горизонтом. Надо думать, что им удалось выжить.

А вот танаидам нет. Каменными статуями навеки встали они в окрестностях родного города. А она ничем не смогла

им помочь. Да ещё сбежала за море, в чужие края. А они так верили в неё, свою тану...

Ритуальную гривну, почтительно завёрнутую в тонкий шарф, Петал продолжала бережно хранить.

Бласт не раз пытался избавиться от зловещей вещицы, будто утягивающей его жену куда-то назад. В те страшные дни его смертельной схватки за их совместное выживание. Но даже обманом ему никак не удавалось сбавить куда-нибудь тяжёлый золотой обруч. Проклятая гривна будто приросла к Петал.

За время путешествия в Край Белоглазых тан Бласт увидел немало чудес. Но ему как-то по-прежнему не верилось, что Тановы земли погибли лишь из-за того, что подлые жрецы вынули из ритуальной гривны белый камень, оставив чёрный. И тем самым запустили процесс нарушения баланса жизни-смерти на этой земле.

Время от времени Петал заговаривала с ним о своём долге, о необходимости восстановления ритуальной гривны, о спасении земляков. Он или отмалчивался, или отговаривался тем, что сейчас для них не это главное.

Но для себя он решил совершенно однозначно, что никогда больше не вернётся в этот Край Ужаса! Хватит! Слава Богам, что ещё удалось спастись! А сколько раз приходилось прощаться с жизнью! Повторенья ему не выдержать! Тем более что совершенно незачем. Ни к чему снова испы-

тывать судьбу! Любимая рядом. Скоро, очень скоро родится его сын! И все они будут очень счастливы! А танаиды пусть сами разбираются со своими жрецами!

Он старался быть тактичным и не волновать Петал от-казом. Знал, что она очень тоскует по утраченной родине. Здесь всё было для неё чужое.

Её чуткие ноздри улавливали массу сладких ароматов этой богатой земли, блаженствующей в тёплом климате: атласных чёрных олив, орехов, носящих название «греческие», винограда всех мыслимых цветов и оттенков. Но больше других она любила горький запах белых тополей. И цикория. Они напоминали ей о покинутой родине. Чужое небо, отражаясь в её светлых глазах, отзывалось бы тоской, если бы не ожидание рожденья ребёнка.

Светлыми лунными ночами они вдвоём выходили на морской берег. Со стороны, издавлек, казалось, будто по берегу гуляет юноша с собакой.

Они слушали плеск волн и вспоминали другое тёплое море – Амазонское, каким оно было до того, как восстало против своих амазонок.

Петал грустила, лоя своими лунными глазами свет той, чьё второе имя Танит.

Бласт обожал любоваться её странными глазами. Она смотрела вокруг, старательно привыкая к новым местам, к незнакомым людям.

А он смотрел на неё.

Ловил оттенки чувств и тени настроений.

Когда её глаза сияли счастьем – и он был полон ощущением жизни. Но если на них набегали слёзы – он места себе не находил!

Бласт всматривался в их глубины, улетаая мечтой, путешествуя по переливчатой радужке, боясь, впрочем, приблизиться к тёмному омуту зрачка. Весь его белый свет сосредоточился на ней. Он заслушивался ею. Любовался ею. Выполнял любой каприз.

Только одного она не могла добиться. Он даже мысли не допускал о возвращении в Край Белоглазых тан для поиска белого камня, так таинственно исчезнувшего из ритуальной гривны.

Тем временем весть об их возвращении докатилась до Афин. И вернулась обещанием отца навестить их.

Бласт очень боялся приезда отца. Боялся унижений в присутствии Петал. Боялся, что тот снова будет называть его ничтожеством за то, что он не выполнил приказ привезти из Тановых земель зерно, золото и рабов. Да ещё и корабль потерял.

Бласт мучался, не представлял, как отчитаться за потерю. Не рассказывать же, в самом деле, об их безумном путешествии в дольмене! Отец опять разорётся, не поверив ни единому слову! И правильно сделает.

Вспоминая этот ужас возвращения, Бласт сам уже не склонен был верить собственным воспоминаниям. . . . Но какая-то неведомая сила перенесла же их с Петал в безопасные Итальянские земли!

Но, на удивление, встреча оказалась радушной. А отец не обмолвился ни единым упрёком. Все его мысли были заняты собственными трудностями и проблемами: борьбой за власть на этот раз с младшим братом. Да и вести о гигантской природной катастрофе на берегах Амазонского понта, вызванной невиданным гневом всемогущих богов, докатились уже до Эллады.

Что гибель одного корабля по сравнению с тем, что целое

побережье, старательно освоенное греческими колонистами, было стёрто с лица земли огнём и водой, а люди вымерли! Масштаб катастрофы потрясал!

Мороз по коже шёл от известия о появлении на холмах возле Тан-Аида целых семей каменных истуканов лицами на восток! И окружены они были воющими волками!

А мореходы докладывали, что от прихлынувшей гигантской волны изменилось всё побережье от Афин и до самых земель бога Тана! И бедствующих в тех землях, да и в соседних, – было просто не счесть!

Поэтому отец радовался, что сын его не только уцелел, но даже привёз с собой красавицу жену. Взглядом знатока он высоко оценил причудливую внешность ясноглазой невестки. А встретив внимательный взгляд сына, сказал, что тоже скоро ждёт пополнения в семье.

Когда Бласт попытался было отдать хотя бы золото, доставшееся от Долиха, отец наотрез отказался.

– Я рад, сын мой, что ты повзрослел и скоро сам станешь отцом. Моя опёка тебе уже ни к чему. Поэтому и золотом своим распоряжайся сам. Я так понимаю, что возвращаться в Афины ты не планируешь?

Бласт поймал ревнивый взгляд отца, за которым стояло желание удалить сына подальше от молодой жены.

– Правильно понимаешь. Хочу обосноваться здесь.

– Ну и отлично. Тем более что там сейчас не очень спокойно. Начинай-ка тогда своё дело. Места здесь красивые. Зо-

лото у тебя есть. Если начать стройку, подтянутся ещё люди. Вот и закрутится помаленьку. Думаю, у тебя всё получится!

Это было неслыханно! Отец похвалил! Отец сказал, что верит в него! На радостях Бласт даже не стал рассказывать обо всех странностях, сопутствующих его путешествию в дальние края. И о встрече с матерью тоже не рассказал.

Почему? Уже после отъезда отца он раздумывал над этим. Его родители показались ему такими разными – до противоположности! Как могли они создать пару – уму непостижимо!

Может быть, ему не хотелось разрушать этими известиями хлипкого равновесия отношений, возникшего, наконец-таки, у него с отцом? Может быть, причудливые факты настолько не лепились к нынешним бытовым хлопотам, что язык не поворачивался открывать эту странную и крайне рискованную тему? А может быть, напротив, ему самому слишком хотелось перенастроиться на подчёркнуто бытовой уровень?

Короче говоря, он твёрдо решил все странности оставить в прошлом. И не будоражить их больше никогда.

Бласта окрылила эта встреча. Он немедленно начал заниматься закупкой строительного камня, наймом рабочих, расчисткой земельных участков. Он хотел построить просторный и удобный дом для своей будущей многочисленной семьи. Ему хотелось наладить торговлю. Купить несколько крепких судов. И обязательно построить храм.

Но был слишком неосторожен. Всегда ведь найдутся желающие помочь расстаться с избыточным...

6

Однажды Бласт второпях выскочил из дома, чтобы поспеть на встречу с продавцами кровельной черепицы. И уже в ходе переговоров понял, что не захватил свои расчеты.

Он так тщательно готовился, вымерял, расчерчивал, высчитывал! Нет, это невозможно повторить! Можно упустить что-нибудь важное! Бласт решил вернуться домой за своими пергаментами.

Уже подходя к дому, он услышал удары и сдавленные крики. Когда он понял, что это голос Петал, отбивающейся от кого-то, – у него в душе похолодело. Не помня тебя от ужаса, Бласт ворвался в ограду. Он крушил незваных гостей, не чувствуя границ своего тела: зубами, кулаками, ногами – всем своим озверевшим от отчаянья телом. Опомнился только, когда Петал прохладными ладонями охватила его лицо, пытаясь поймать одичавший взгляд.

– Бласт, очнись! Очнись же! Их уже нет! Они уже сбежали! Успокойся, родной!

– Кто они? Чего они хотели?

– Требовали отдать им золото.

– Тебе надо было сразу отдать! И пусть уходят! Сразу отдавай всё, слышишь Петал! Пусть только не трогают тебя!

– Я слышу, слышу, родной, успокойся! Но я даже не успела ничего сообразить, как налетел ты!

– Как ты себя чувствуешь? Они не навредили тебе? Я их догоню и растерзаю! – Бласт рванулся за ограду.

– Не надо никого догонять! Останься лучше со мной.

– Да, конечно, родная. Как ты? Они тебя не ударили, не испугали? Слава богам, что я вернулся! Слава всемогущим богам, что хранят нас!

– Бласт, меня пугаешь ты! Остановись. На тебе лица нет! – Петал не на шутку встревожило его болезненно взведённое состояние.

– Прости. Прости меня. Я так за тебя боюсь!

Петал охватила его голову крепче, заглянула в самую середину зрачка своими белыми глазами, будто бросила камень в глубину.

И он притих, следя за расходящимися от игольчатого центра белыми кругами...

За причудливой игрой стихий...

За движением, преодолевающим сопротивление...

За затуханием расходящихся концентров, будто развязывающих один за другим неведомые узлы...

С облегчением вздохнул. И очнулся.

Тревога ушла. Мысли перестали бешено метаться.

Но одна засела накрепко: нельзя оставлять жену без защиты. Если бы не случай... Если бы не его незапланированное возвращение, что было бы?

– Как они узнали, что у нас в доме есть золото? – Бласт бросился проверять тайники.

– Это не так уж трудно. Выследили тебя, после того, как ты расплачивался, – Петал была равнодушна к золоту, её тревожило состояние мужа.

– Боги, какой я олух! Я сам во всём виноват!

– Я не сказала бы, что ты олух. Ты знаешь, хоть, сколько их было?

– Нет, я как-то не успел понять...

– Их было шестеро! И ты их всех разметал!

– Шестеро? Не может быть!

– Мне тоже раньше казалось, что ты на такое не способен! Но ты дрался, как зверь! Как волк! Ты даже рычал и перемещался прыжками, как волк! Это было потрясающе!

Бласт помолчал, осознавая услышанное.

– Это моя мать. Это её волчья кровь всколыхнулась от отчаянья, охватившего меня. И это странным образом помогло, будто я вспомнил что-то, что помогло нам спастись!

– Я о другом, Бласт. По-моему, тебе стоит научиться управлять этими своими новыми способностями. Как-то мне показалось, что ты немножко потерял берега. А ведь есть простые приёмы, которые ты сможешь применять сам, не дожидаясь моей помощи.

Они никогда прежде не обсуждали способность Петал к превращению в волчицу. Так же не хотелось вспоминать и страшный повод для превращения самого Бласта.

Это было так больно. И телом. И ещё больше душой.

Жертва его матери ради его спасения была так невосполнима!

Душный страх и мука второго рождения, пережитые им самим, были ещё довольно свежи. Возвращаться в это не хотелось. Но так уж сложилось, что жизнь сама странным образом выводила их на те дороги, которые им хотелось навсегда оставить в прошлом.

И Бласт смирился.

– Ничего не поделаешь. Провидение ведёт нас. Значит так надо. Рассказывай, что нужно делать для превращения. Правда, я не уверен, что у меня получится! – Он старался скрыть свою тревогу.

– Не бойся. Это больно только поперву. Потом пути раскрываются и превращения совершаются легко.

– Давай только постараемся, чтобы никто не знал об этом. Это у вас там, в Тановых землях Волки, Вороны и Змеи – привычны. А здесь...

– Да уж! Представляю, если все эти тётушки, у которых мы берём молоко, и дядюшки, привозящие нам мясо, хлеб и овощи, узнают, кого они выкармливают собственными руками! – Петал весело рассмеялась. И Бласт окончательно успокоился за неё.

С тех пор она стала обучать его.

Перстень с оскалившейся волчьей пастью достался ему от матери. Довольно крупный, весь в царапинах, нанесённых временем, будто покрытая шрамами морда вожака волчьей стаи. Но севший на палец ловко и удобно, как на своё привычное место.

До сих пор вещица была для него только памятью.

Иногда, в задумчивости, Бласт вертел его на пальце. Наверное, это совпадение, но решение проблем в такое время приходило будто исподволь. И даже на выбор. Он объяснял это для себя обострением интуиции – не заботой же матери в самом деле объяснять! Он же ещё не сошёл с ума! Сейчас пришло время использовать перстень танаидов по назначению.

Зачарованный белым взглядом своей таны, он должен был резким движением крутануть его! И в то же время представить себя волком, страстно пожелав стать волком, – до запаха, до звериной злобы, до жажды охотничьего гона!

Он ожидал боли. Но боль превзошла его ожидания.

У естества есть покров. Это дар Божий.

Заменить покров можно. Можно даже часто менять его. Но эта замена должна быть очень мотивированной!

Иначе старый покров восстанет против обновления! И бывает, что это сопротивление – не победить!

...Чернокогтистые лапы вцепились в кожу! Оттягивают вниз! Растянули до земли! Лопнет!!! Ах, больно же! Жжёт невероятно!

...Жёлтые волчи клыки рванули с треском белую цельность человеческого покрова! Они изнутри или снаружи – не понять!

...Вот она, выпросталась мокрая шерсть с острым запахом зверя!

Это мой запах!!!

Встряхнуть всю шкуру! Расправить!

Сморгнуть – очистить взгляд! И оглядеться!

Всё по-другому!

...Вид на всё привычное снизу и как-то колодцем, вьюны запахов вокруг и ...Петал. Её внимательный взгляд сверху...

Петал, не успев ещё превратиться в волчицу, засмеялась звонко и заливисто, – так смешно, неуверенно раскачиваясь на четырёх лапах, новопревращённый Бласт встряхнул свою новую густую шкуру.

Как она была рада, что у него всё получилось! Всё-таки не случайно она влюбилась в него! Притяжение родной волчьей крови сыграло свою роль! А она ещё пыталась сопротивляться, называя его «чужим»! И зубы у него не такие уж и «травоядные»!

Как она была рада, что дождалась, пока ситуация «дозреет», и Бласту самому захотелось испытать возможности нового облика! А ей не пришлось его торопить, уговаривать, предлагать.

Она знала! Она знала, что будет так! Но как же трудно было ей не поторапливать его! Теперь и в этом они были вдвоём, и она не чувствовала больше своей «звериной неправильности» по сравнению с мужем.

Редкие рыбаки, сторожа или пастухи теперь могли видеть на морском берегу двух гуляющих в лунном свете собак. И не могли понять, что так беспокоило их собственных псов, заливающих истеричным лаем в сторону этой парочки. Но притом жмущихся к ногам хозяев и трусливо поджимающих хвосты!

Бласт уже примерял волчью шкуру раньше – благодаря подругам Петал. Но тогда у него совершенно не было возможности – как следует осознать самого себя. И оценить себя со стороны. Сейчас он со вкусом уделил время знакомству с самим собой, со своей звериной сущностью.

Зря он так долго делал вид, что не понимает намёков жены!

Нет, он никогда не расценивал волкопревращения танаидов как деградацию. Просто над ним довлело человеческое понимание приоритетов. Точнее будет сказать: понимание отцовских жизненных приоритетов: разбогатеть, построиться, приобрести влияние среди окружающих людей.

Но мир настолько интересен и сложен, что просто глупо ограничивать себя и отказываться от постижения этого радужно переливающегося великолепными возможностями разнообразия!

Да, отец не понял бы его! Людям трудно бывает согласиться с существованием иного, отличающегося от собственно-го, взгляда на жизнь. Как как же трудно тогда согласиться с самим существованием иной жизни!

В этой новой жизни ушли прочь вопросы богатства и власти. Зато по-новому зазвучали вопросы сохранения и продолжения жизни – они стали главными.

Впрочем, его испуганное тремя смертями тело иногда отказывалось повиноваться. И волчица Петал не могла удержаться от улыбки, глядя на то, как он, порой сбиваясь, бегаёт задними лапами вперёд передних. Она знала: так носятся все, кто живут чувствами.

Что поделаешь, именно это ей и нравилось в Бласте. Эта чувствительность – от восторженности до отчаянья! Эта способность переживать завтрашние и вчерашние события так живо – до слёз! Всё, что недоступно было ей самой, было удивительно! Например, ожидание рождения сына Бласт сумел превратить в пиршество счастливых эмоций для всех троих – ну, кто, кроме её мужа, был ещё способен на это?

И ещё им нравилось вдвоём бывать возле статуи Минервы, окружённой воющими волками. Она напоминала Петал о покинутой родине, о разорённом городе Тан-Аид на берегу Амазонского моря.

Бласту не нравились эти воспоминания. Но он терпел, предпочитая быть рядом с любимой, будто всё ещё доказывал, что любовь к ней ему «по силам».

Однажды возле святилища они застали женщину, регулярно приносящую Минерве дары. Те самые, которыми они не преминули воспользоваться по прибытии в Италийские земли, чтобы не умереть с голоду. Не сговариваясь, затихли, не желая мешать её молитве. А женщина даже не догадывалась, что затаившиеся волк с волчицей, переглядываясь, наблюдают за ней.

– ...Смилуйся, великая богиня! Знаю, недостойна я, презренная, сына своего Георга! Но я отслужу! Только верни мне сына, богиня! – еле различимо бормотала несчастная. Но последние слова она вскричала вполне отчётливо. – Не дай жестокому богу времени Хроносу поглотить его в Крае Белоглазых тан!

Услышанное вызвало оторопь у Блеста и Петал.

– Ничего себе! – Бласт был поражён. Ему, в волчьем облике, слов не нужно было для выражения всей глубины изум-

ления. – Как же это может быть?

– Неужели она – настоящая мать «нашего» Георга? Помнишь, ведь Чиста называла его подкидышем! – Петал обуревали смешанные чувства. С одной стороны, Георг своими мистическими инструментами поддерживал жрецов, расплатившихся гибелью всего побережья за собственное бесмертие. А с другой – он спас её от этих же жрецов, справившись с ситуацией совершенно безвыходной. И она не могла не испытывать благодарность к нему.

– Нет! Таких совпадений не бывает! Где мы и где Георг! – волчье общение без слов, чистыми смыслами всё больше нравилось Бласту.

– Думаешь? Судя по упоминанию Края Белоглазых тан – случаются!

– Да и как мог он попасть в такую даль? Да ещё младенцем? Кто и зачем потащил бы его туда?

– Это так. Но согласишься, что со своими могущественными барабанами он оказался там весьма к месту!

– Как и эта женщина со своими дарами Минерве! Когда Георг перенёс нас сюда столь причудливым образом, я был голоден, как волк! Будто весь путь пешком проделал!

– Она выглядит такой одинокой! – волчица Петал потёрлась ухом о плечо Бласта. – Поговорить бы с ней!

– Если «наш» Георг и в самом деле её настоящий сын, то она – единственный хоть как-то знакомый нам в этих землях человек! Может быть, она согласится быть с тобой, пока

я работаю? – Бласт любое событие подгонял под тему, так взволновавшую его недавно.

Петал эта мысль показалась стоящей. Они крадучись проследовали за женщиной. Впрочем, представляться в волчьем обличье не решились. А когда она разожгла во дворе огонёк и начала хозяйничать, вовсе по-звериному отшатнулись.

Наутро хозяйку здорово удивили многочисленные звериные следы вокруг двора. Что-то тревожное было в этом. Что-то напомнило. Женщина задумалась.

Петал любовалась Бластом.

Его волчья шкура, будто само воплощение новизны, была густа и отливала в лунном свете цветом ядовитого реальгара.

А он красовался, замечая её взгляды.

Её не смущало, что упоительный волчий вой мужа давал фистулу.

Пытаясь реабилитироваться, он захотел показать себя в охоте.

Не зная точных приёмов, Бласт инстинктивно сделал свою походку стелющейся вдоль земли. Лопатки, с ершащейся на них шерстью, поднялись над спиной. Походка стала плавной и практически бесшумной – что было не так уж просто по траве!

Но заяц, за которым он впопыхах погнался, оказался кош-

кой, поднявшей от ужаса жуткие вопли. Вернулся Бласт униженный, с подранной в кровь мордой.

Пришлось ему списать неудачу на неудобство передвижения.

– Невозможно бегать, когда в один из пальцев правой лапы крайне неловко впивается тонкая полоска металла с каким-то расплывающимся изображением!

Но тут Петал была неуклонна.

– Это человеческий лик! Это твоя гарантия возвращения в человеческий облик! Не вздумай снимать его! Потеряешь – никто тебе не поможет!

Услышав это, Бласт внутренне содрогнулся.

– На всю жизнь остаться зверем? – Он засуетился. – Скорей! Назад! Да как же это делается? Где же эта железка запуталась в шерсти? Скорей...

...Сильные руки хозяина его естества схватили за шкуру и будто швырнули в наказание!

Что? Что я сделал? У-у-вау-у!

...Хвост поджать, поджать хвост и мелко-мелко боком уйти от страшной боли хозяйского гнева!

...Но не уйти, трещит шкура, наступает хозяин. Торжествует хозяин!

...Держать нить болевого клубка, не сбиться! Шерсть поредела, запахи свернулись.

...Слава всемогущим богам! Я снова человек!!!

Не хочу, не хочу я больше ничего подобного! Это в последний раз такой ужас! И как только мог я добровольно согласиться?! Ради чего?

Петал, превратившаяся из бокастой волчицы в обычную беременную женщину, легко прекратила его панику. Ей нравилась, очень нравилась собственная власть над этим красавцем, нравилось, что может управлять этим прекрасным телом, этим прекрасным взглядом, придавая ему то энергию страсти, то покорности.

А у неё самой с увеличением срока беременности превращение стало занимать гораздо больше времени.

Она объясняла это добавлением времени для превращения плода внутри неё. Петал очень боялась, что роды застанут её волчицей. Тогда детёныш родится волчонком, и этот облик навсегда останется для него первичным. Она страшилась этого. Но и забывать свою природу белоглазой волчицы ни за что не хотела.

Первые схватки начались у неё ранним весенним утром.

Бласт сразу перепугался и собрался куда-то бежать, кого-то звать на помощь. Но Петал, дыша с придыханиями, снимающими боль, была спокойна.

– Думаю, инстинктивных знаний нам с тобой будет достаточно, чтобы самим справиться с появлением малыша.

Роды протекали быстро, и скоро Петал уже не могла сдерживать стоны. Бласт был в полном отчаянье. Но тут в дверь постучались. На пороге стояла та самая женщина, в которой они предположили мать Георга. Но познакомиться с которой так и не удосужились.

– Я Ида, – без предисловий начала она. И, сразу оценив ситуацию, бросилась помогать Петал. Бласт, увидев уверенные и умелые действия, возблагодарил богов.

Он совершенно потерял способность соображать, слыша сдавленные стоны жены, и вышел из дома, чтобы Петал не видела его нервической суеты. Но когда раздался требовательный детский вопль, мгновенно метнулся обратно.

Растерянная Ида протянула ему дитя и отступила. Бласт обомлел.

– Что у него с глазами? Какой ужас! Он, что, слепой?

Петал, с трудом приподнявшись на локтях, потянулась за младенцем. Она отбросила, как ненужные, пелёнки, на-

мотанные Идой. Осмотрела его, переворачивая уверенными звериными движениями, по которым совершенно нельзя было догадаться, что это всего-навсего её первенец. И радостно засмеялась.

– Он совершенно здоровенький! – Петал лёгкими касаниями то ли обследовала тельце не перестающего вопить малыша, то ли обнюхивала его.

– Но глаза! Почему у него на глазах белые плёнки? Он, наверное, слепой! – Бласт был в отчаянье.

– Нет, он просто пошёл в мою породу. Он унаследовал глаза своего прадеда – Седого Странника. Помнишь, я рассказывала тебе о нём? – Петал украдкой, будто целуя крохотное личико, облизала его.

...Когда новорождённый малыш, уже вымытый и накормленный, заснул, они оба обратились к Иде с вопросом, мучавшим их.

– Как ты нашла нас?

– Я шла по следам от моего дома. По волчьим следам.

А ночью Бласту приснились волки.

Ничего удивительного, – убеждал он себя в полусне, – после ночной беготни в волчьем обличье – ничего удивительного! Сейчас, вот сейчас проснусь, стряхну этот сон!

Но сон не стряхивался, наоборот, количество волчьих фигур всё прирастало и прирастало.

Скоро вся степь, залитая призрачным лунным светом,

пестрела фигурами сидящих волков. Они молча смотрели на него, будто ожидали чего-то...

Бласт сначала растерялся. Но потом тоже по-волчьи ощерился.

– Я вам ничего не должен! Я никуда не поеду! У меня родился сын, я должен заботиться о нём!

Тогда волчья стая ...начала осыпаться.

...С тревожным низким гулом рушащегося песка утекала призрачная сетка, сотканная из сидящих зверей.

В его памяти оставались только их упорные молчаливые взгляды. И ощущение разрушения...

...И засевавшая глубоко в подсознании тревога.

А, проснувшись, он узнал, что на стройке разом рухнули, будто стекла, все леса.

10

Благо, рабочих там не было, и никто не погиб.

Бласт стоял перед развалинами многодневной работы и благодарил богов за то, что всё обошлось и никто не пострадал

...из-за него. Из-за его сна!

В голове Бласта, причудливо перемешиваясь, сливалась воедино сетка рухнувших строительных конструкций и осыпающаяся волчья стая.

Петал, которой он в задумчивости рассказал о своём сне, сделала вывод.

– Это знак! Твоя появившаяся способность предвиденья – это знак! Они, волки в Тановых землях, зовут тебя! Надо плыть!

– С чего бы это они стали меня звать? Раньше не звали!

– С того, что ты добровольно вошёл в волчью стаю. Ты стал волком, и они приняли тебя. Теперь и на тебя возложена забота возрождения этой земли.

– Знал бы, что это приложится, я бы сто раз подумал! Мало того, что ты замучила меня своей гривной. Так теперь ещё волки в моих снах будут топтаться! – по-звериному ворчал-буркал он.

– Бласт, это ведь не сложно, ты у меня такой удачливый! Ты только найди белый камень, восстанови гривну и возвращайся! Остальное произойдёт само. Ты даже можешь после этого оставить гривну там!

– Уж, неужели и после этого притащу её обратно! – В запале раздражения Бласт сам не заметил, как впервые согласился на поездку.

Петал, поймав это мгновение, благодарно уткнулась носом в его шею. И тут только он сам осознал собственное согласие.

– Но не думай, пожалуйста, что ты меня всё-таки уговорила или перехитрила! Пока не подрастёт сын, я не тронусь с места! И не помышляй!

Петал не стала настаивать, решив, что для первого раза достаточно и такого, чисто формального, согласия. А для себя отметила, что следует готовить Блуста более основательно. Нужно до отъезда успеть передать ему как можно больше своих навыков. То, чему жрецы учили её несколько лет, надо исхитриться передать Бласту в ближайшее время, за короткий срок. Она чуяла, что нужно как можно скорее...

А Бласт получил новую тему для брюзжания.

– Как я туда попаду? Как я найду этот белый камень на огромном вымершем побережье? Там же уничтожено всё огнём и водой! Ты сама видела! Куда ты меня отправляешь?

– Как туда попасть, мы ещё придумаем. А с твоей проявившейся способностью предвиденья, как только ты ока-

жешься в Тановых землях, ты поймёшь, как найти белый камень, я уверена! Ты почувствуешь, что делать! Ты же волк, настоящий зверь, со звериным чутьём!

– Слушай, ты помешалась! Ну что тебе этот белый камень, эта гривна? Они осталась в прошлом, которое никогда не вернётся в нашу жизнь. Это всё осталось так далеко, что никогда больше нас не достанет!

В ответ Петал так надолго затихла, что Бласт заперезживал. Но она ласково погладила по спинке спящего на руках сына и обернулась к нему.

– Бласт, ты, правда, веришь в то, что говоришь? Посмотри на меня! Я, волчица, кормлю человеческого детёныша! Ведь это было предсказано Протеем! Помнишь, ты ещё ругался, что его предсказания совершенно непонятны? А ведь всё сбылось, каким бы невероятным не казалось! А ты говоришь, что прошлое нас не достанет! Оно заложено в нас! Прошное – это мы! Из него же вырастает линия нашего будущего! Поэтому нам никак нельзя жить одним нынешним мгновением! Ты со мной согласен?

– У нас с тобой всё так хорошо! Ты не боишься разрушить, то, что мы имеем? А вдруг я не вернусь? Ты не боишься этого?

Бласт пожалел, что задал этот вопрос, – так изменилось лицо Петал.

– Мой отец был немногословным. Может быть, именно потому я так хорошо запоминала всё, что он говорил мне.

Особенно, когда жрецы готовили меня в таны, и я мучилась сомнениями. Он говорил, что за доброе дело можно расплатиться жизнью. Это стоит того. Потому что в данном случае будет спасена душа человека! Глубокий смысл заключен в том, что жизнь человеческая оценивается с точки зрения жизни вечной, а не только по земным меркам.

Они вышли на крылечко своего дома. Сын, которого Петал почти не спускала с рук, сладко посапывал у неё на груди.

Весенний ветер разметал на вечернем небе облака и зарумянил лиловый закат, совершенно лишив его угрожающих красок подступающей тьмы. А потом, будто тоже в поддержку Петал, выступила на небе своим ясным ликом только что народившаяся та, чьё второе имя Танит. Мрак отодвинулся. И захотелось верить, что всё хорошее обязательно сбудется.

Ночами, передав ребёнка на руки Иде, они выходили из дома. Ида не задавала вопросов. Может быть, ей хватило того невероятного рассказа об общении с её сыном в неведомом Крае Белоглазых тан? Поверила ли она им?

Петал торопилась. Колесницы огня и воды, заклинания естества и морока, использование природных сил и таинственных артефактов – могущественная круговерть таинств – проносилась перед взором Блеста, освещаемая призрачным ночным светилом. Порой он доводил Петал до отчаянья, путая наиважнейшие явления. Он называл это «отрыжкой от переедания». Она тревожилась.

– Бласт, пойми, подобная ошибка может стоить тебе жиз-

ни!

Конечно, следовало учитывать, что для информации существуют пределы вместимости. Но ей хотелось застраховать мужа от всех, абсолютно всех случайностей и опасностей.

А остатками тревожных весенних ночей Бласту снились странные сны. Перенаселённая мыслями голова отказывалась отдыхать. Он будто взял за правило проживать день сначала в дневной яви, а потом во сне. Прожитые события ветвились стеблями повилики, извиваясь и сплетаясь немислимыми узорами, энергично запуская ростки и в будущее.

А вместе со способностью предвидеть события (они стали сбываться после складывания в голове Бласта) у него даже появилась возможность влиять на некоторые из них.

Однажды вечером, когда они с Петал, убаюкав сына, перепоручили его Иде, на пороге дома появилась молодая женщина с измученным, заплаканным лицом. За её спиной стояла толстая старуха с корзинкой, накрытой чем-то белым.

Бласт, приняв их за странниц, уже хотел уточнить, в чём, кроме ночлега, они нуждаются, как в памяти вспыхнули картины детской беготни, и свадьбы отца, и назойливый женский взгляд, преследующий его.

Это ведь жена отца, его молодая мачеха! Бласт настолько не ожидал увидеть её, настолько была она явлением из другой жизни, что с трудом вспомнил имя – Лия.

Сердце его заколотилось.

– Что случилось? Что? Что с отцом?

Вопрос будто подкосил гостью. Долго сдерживаемые слёзы полились тёплым потоком. Петал бросилась к ней, отстранив растерянного мужа.

Он уже всё знал. Ему не надо было рассказывать. Он видел то, что произошло. Ему только надо было уточнить.

– Это было три дня тому назад?

– Да, – Лия не могла говорить из-за судорожных рыданий.

– Это младший брат отца убил его?

– Да! Это было ужасно! Откуда ты знаешь? Кто-то прибыл сюда раньше нас? Но этого не может быть!

...Запах прогретых жарким солнцем досок, смолы. Плотник, любующийся новой мачтой, установленной на старом паруснике.

...И треск!!!

С креплений в соседнем доке сорвался недостроенный корпус будущего судна, ещё без руля. И со всего маху протаранил старую свежеспросмоленную, приготовленную к плаванию посудину.

Прозрачны и безмятежны воды Адриатики.

Только две дощечки остались в протянутой руке...

В это время корзинка на коленях вытирающей слёзы толстухи пискнула. Петал, давно подозрительно косящаяся на неё, откинула покров и всплеснула руками: двое новорождённых младенцев, разлепив ротики, готовились закричать.

Старуха, подхватив крошечные свёртки, поднесла к груди своей хозяйки. Младенцы с готовностью принялись было чмокать, но снова залились удвоенным криком: от пережитого у Лии пропало молоко.

Петал решительно взяла их на руки и приложила к своей груди. Лия с облегчением вздохнула. Потом медленно соскользнула с лавки, встав на колени перед Петал. Бласт бросился к ней, думая, что бедняжка упала. Но она взмолилась, глядя в глаза Петал.

– Выкорми моих сирот, сжался! Убийцы идут по моему

следу, мне нужно скрыться! Но куда мне деть детей! Они пропадут без молока! Я тебе оставлю свою няньку в помощь! Не откажи, умоляю!

Старая нянька, глядя на свою госпожу, начала подвывать от сочувствия.

Наутро Лия покинула их дом, оставив детей и старуху няньку.

Близнецы, будто почувствовав, что не только отец, но и мать покинула их, реванули вдвоём так, что Бласт занервничал. Потому что их собственный сын тоже раскричался за компанию. Петал старалась по очереди накормить всех троих, но одному, самому терпеливому, всё равно выпадало ожидание своей очереди. Бласт ужаснулся, что обрёк свою жену на такие переживания. Но Петал улыбнулась.

– Я справлюсь, не бойся!

– Боги, что же это у моего отца снова близнецы! Я говорил тебе, что и я из близнецов? Правда, мой брат не выжил. Как же мы справимся с ними со всеми?

– Не переживай, я уже придумала!

– Это такая тягость! Чем могу я отблагодарить тебя?

– Раз ты спросил. Гривна. Она не даёт мне покоя. Это не будет трудно. Только белый камень в гривну. Ты быстро справишься.

Бласт понял, что его шансы отказаться слабеют, и Петал силой характера всё равно добьётся своего. А аргументов у неё прибавилось ровно на два.

Тайна таны

1

– Бедная моя госпожа! И красавица, и благородная, и образование какое получила! А счастья нет! Никак нет! А этой белоглазой дикарке из проклятых всеми Богами земель – всё дано даром! И как только мог Бласт связаться с ней и привезти с собой в Италийские земли? А моя госпожа так любила его! Так любила! Не оценил!

Петал приходилось делать вид, что не слышит слезливых бормотаний и вздохов старой глупой няньки, оставленной в её доме при осиротевших близнецах. Но приоткрытую тайну о давней и безуспешной влюблённости Лии в пасынка намотала на ус...

Она будто не замечала, что старуха всё время старается подсунуть ей «сироток» на кормление раньше родного сына, который теперь вынужден был довольствоваться тем, что осталось.

Ей и самой нестерпимо жалко было несчастных подкидышей, присасывающихся к её груди с такой жадностью! Будто эти беспомощные комочки тёплой плоти чувствовали: после гибели отца и ухода матери их жизнь повисла на волоске. И они страстно вцепились в эту жизнь, воплотившуюся для

них в благодатных молочных грудях Петал.

...Когда насытившиеся дети сонно отпали от вытянутых жадными ротиками сосков, тяжёлой поступью по-хозяйски подошла насупленная нянька и ревнивым захватом забрала оба свёртка, значительно потяжелевших и притихших на ближайшие полчаса.

На Петал, занявшуюся сыном, она даже не взглянула.

Была б её воля, младенцев своей любимой госпожи она и вовсе не спускала бы с рук!

Жена Бласта была для неё только средством сохранения жизни порученных ей детей и не заслуживала отдельного внимания, не говоря уже о какой-то благодарности! Пусть считает за честь, что ей доверили выкармливать господских детей вместе с её собственным щенком!

Петал было невероятно трудно испытывать по отношению к себе столь незаслуженную враждебность. Но Бласта, пропадавшего на стройке от темна до темна, она старалась не волновать своей обидой. Просто стала больше отгораживаться от злобной ворчуньи.

А с некоторых пор старуху сильно озадачивало, как это юная жена Бласта умудряется кормить всех трёх младенцев сразу? И заметила это не она одна. Болтовню глупых слуг нянька, конечно же, презирала. Она привыкла считать себя

почти членом семьи. Но какая-то тайна тут всё-таки была...

То, что кормление шло одновременно, было понятно из резкого умолкания тройного голодного рёва.

Но больше всего старую няньку возмущало, что молодая мать стала запирается от неё на время кормления! От неё, к которой никогда не относились как к прислуге, и для которой всегда были открыты любые двери в доме господ!

Однажды поутру старуха, некоторое время послонявшись с поджатыми губами вокруг недоступной комнаты, решила украдкой, по неимоверно скрипящей строительной лестнице, пробраться на недостроенный чердак.

Ревность вознесла её туда, куда не загнала бы даже угроза.

Она очень старалась пробираться бесшумно и не чихнуть от строительной пыли, взметаемой её обширнейшими юбками и накидками. В рассветных сумерках это было нелегко. К тому же вес её тучного тела явно превышал возможности лёгкой постройки. Доски скрипели и угрожающе прогибались.

Несмотря ни на что, она решила продвинуться ещё чуть-чуть. Потом ещё немножко. Потом...

Сначала она сослепу не рассмотрела, что там внизу: ей привиделся лежащий диковинный зверь, с головой и хвостом, ...с опорой на три зубца. Будто прорисованный на белом какой-то странный иероглиф. Но этого же не могло быть!

– Что за чудеса? Совсем я, старая, слепая стала!

С усилием проморгавшись для остроты зрения, она ногой подраздвинула хлипкие доски перекрытия.

...То, что она увидела у себя под ногами, заставило её обомлеть. Она ожидала чего угодно, но не этого!

На ложе, укрытом шкурами, растянулась ...рыжеватая волчица!

А младенцы, все трое, мирно лежали у неё под брюхом, вцепившись жадными ротиками в тёмные звериные сосцы!

Кулачками они решительно подталкивали волчицу в живот, усиливая тем самым ход молока. А она терпеливо удерживала позу, удобную для маленьких деспотов.

Потом...

О, ужас! Волчица, задрав лобастую голову, зевнула и, склонившись над одним из близнецов, начала заботливо вылизывать его!

У старой няньки от вида её черноатласной пасти захолоуло сердце. Ноги сомлели, и она рухнула прямо там, где и стояла. Недостроенный помост не вынес её туши, доски раздвинулись, и старуха с грохотом свалилась с высоты, подняв тучу пыли и сломав лодыжку.

Когда пыль осела, первое, что она увидела перед собой, – гневный взгляд Петал.

Свободная серая туника привольными складками укрывала её тело. Трое младенцев, сытые, побряхтывали на ложе, готовясь заснуть. На них грохот падения не произвел такого впечатления, как на Петал.

Вся она была будто взъерошенный зверь, приготовившийся к прыжку. Смотрела исподлобья.

– Что ты там, вверху, делала, старуха?

Вынести белый провал её взгляда было непосильно для старой няньки. Боль и страх ответили за неё: она жалобно заплакала.

Но это её не спасло.

2

Бласт узнал о страшном несчастье поздним вечером, когда вернулся домой со стройки.

Тело бедной няньки уже было подготовлено к сжиганию на погребальном костре. От него ждали только команды, как от хозяина.

Смертельно усталый, он уже почти дал отмашку начать ритуал. Но его остановили испуганные лица рабов и рабочих. Они сгрудились в углу двора, возле кучи строительных блоков, и испуганно перешёптывались.

Это ему не понравилось, как-то насторожило. В его доме происходило нечто, требующее сил и внимания. Бласт подозвал управляющего – темнокожего Вариса. Он-то и рассказал, какие странные раны получила старая женщина, свалившись с недостроенного чердака. На лице слуги явно боролись стремление услужить господину и временами перебивающий это стремление очень естественный ужас.

– На ноге у неё, мой господин, была несмертельная рана, перелом. Но горло! Госпожа сказала слугам, что бедняжка упала горлом прямо на кувшин, разбив его.

Слуга бешено вращал желтоватыми яблоками глаз. В мечущемся свете факела его возбуждённое лицо будто приплясывало. Это было бы даже смешно. Но Бласт внезапно испугался.

– Господин, эти раны на горле – не порезы от разбитого кувшина! Это следы звериных зубов! Я вырос в джунглях! Я видел людей, загрызенных дикими зверями!

Пламя факела в руках слуги притихло, будто затаилось, а потом вытянулось, выдернутое из черноты невесомым дымным завитком. Мучительное воспоминание прихлынуло в голову Блеста – «на что же это похоже?» – и, так и не найдя зацепки, растворилось бесследно.

Надо было что-то сказать, но слуга опередил.

– Господин, я понимаю, господин, что мои слова нелепы, – слуга засуетился. – Диким зверям здесь неоткуда взяться – я знаю! Но рабы глупы и пугливы, господин. Они твердят своё. Я не могу их переубедить. Боюсь, они разбегутся!

– А ты тогда зачем? Я тебе дам, «разбегутся»! – Блест в очередной раз порадовался, что в своё время, по совету Петал, не стал нанимать слуг из соседних деревень, а купил рабов, которым, в общем-то, некуда разбегаться. Впрочем, ситуацию всё равно нельзя пускать на самотёк.

Но сперва надо поговорить с Петал о недопустимости подобных поступков, которые могут их погубить. Твёрдой рукой он почти бесшумно притворил дверь в спальню.

...Тревожная весенняя луна всей своей откровенной обнажённостью безмолвно присутствовала в комнате. Дети, все трое, молчали, будто затаились. Петал тихо дышала в тёмной глубине – он чувствовал её.

Он сел намеренно шумно, лишь бы сохранить свою реши-

мость и разрушить этот заговор явно противостоящей ему тишины.

– И что теперь прикажешь с этим делать? Мы ведь договорились хранить в тайне твою сущность таны! Неужели ты не могла сдержаться!

Петал хранила молчание.

– Да, согласен, она старая дура... Была... Но она же не враг! Стоило ли с ней так? Здесь уже и так болтают о близнецах, выкормленных волчицей! Так нужно ли было лишний раз подтверждать это? Из-за этой нелепой случайности у нас могут быть огромные неприятности...

Петал решительно вышла из темноты, поймав глазами лунный свет. Волосы зримо поднялись дыбом на её затылке, будто на холке у воинственной волчицы. Губы над клыками подрагивали...

– Бласт, это не случайность! Она шпионила за мной! Она увидела меня! С ней невозможно было бы договориться! Она не стала бы молчать! Я обязана была защитить свой выводок! – лающие интонации захлестнули взвинченный голос Петал. В ответ обеспокоенно завозились младенцы.

Странное дело. Он чувствовал, что был прав. А она не права. Но не мог противостоять ей. Она будто перевешивала, самым фактом своего существования делала ничтожной весомость его доводов.

На её стороне были дети. Все трое, включая его сводных братьев-близнецов. За неё же была эта вторгшаяся в их дом

огромная луна.

Да и сам он был за неё...

Какое нелепое завершение дня! Дня, в течение которого ему пришлось так успешно разрешить десятки труднейших ситуаций! Применять расчётливость, предусмотрительность, хитрость – да много ещё чего! Чувствовать себя сильным. Хозяином, владеющим ситуацией!

Сейчас же он осознавал свою полную беспомощность. От него ускользало что-то главное в этом происшествии. Разрешение проблемы с точки зрения человеческого разума здесь точно не срабатывало. А интуитивно он почему-то признавал правоту Петал, как и её верховенство вообще.

В их маленькой стае вожаком была она. Побеждало всегда её мнение. Как и на этот раз. Он сам не заметил, как это произошло: обнимая, он уже приглаживал её волосы, утешал.

– Я согласен с тобой, что это не случайность.

Жёсткий запах пережитого ею стресса перебил мягкие ароматы грудного молока. И он вспомнил! Он вспомнил, на что похож был причудливо извивающийся во тьме дымный завиток факела.

На дракона.

Уродливо корчащегося дракона Хроноса. Край Белоглазых тан продолжал напоминать о себе. Он призывал, он вопил о спасении!

Бласт понял, что не выйдет у него затаиться, сделать вид, что всё у него в семье хорошо настолько, что никуда не надо

плыть! Бог ведь, сколько ещё ему нужно напоминаний, чтобы он решился, наконец, вернуться в Тановы земли! Одна надежда: эти напоминания не будут столь же жуткими, как последнее.

Но не успел развеянный над полями пепел старой няньки напитать весенние ростки, как произошло то, с чем жить дальше стало просто невозможно.

3

– Я не понимаю тебя, Бласт! – Петал со слезами отчаянья схватила за голову. – Я не понимаю! Что я должна им передать? Этим, твоим подрядчиком?

Все трое младенцев заливисто орали, требуя немедленно накормить их.

В это время постучался Варис, их управляющий, и, пряча глаза, настоятельно попросил дать ему срочный расчёт, так как он уезжает к внезапно заболевшему отцу. Да, он раньше о нём не рассказывал. Но отец у него есть, и к нему надо ехать. Далеко. Навсегда.

А у ворот скандалили подрядчики, желающие выяснить, куда же всё-таки так подозрительно исчез Бласт? Почему он всё бросил на полуслове? И что им теперь делать с теми чрезвычайно дорогими материалами для храмовой постройки, посвящённой богине Минерве, которые он заказал у них? И кто им теперь заплатит? И куда девать нанятых рабочих? И почему, в конце концов, Бласт не выйдет к ним, чтобы разобраться по-мужски, даже если у него нет денег?

Вопросов было так много!

Увидев растерянность Петал, подрядчики укрепились в решимости ворваться в дом и разобраться как следует на месте.

От ворот их бесцеремонно оттеснила фигура в лохмотьях.

Когда они поняли, что это местная сумасшедшая, которая молится по ночам у придорожной статуи Минервы, они хотели отшвырнуть её, чтобы эта ненормальная не мешалась.

А «ненормальная», обратясь к Петал, по-свойски шепнула.

– Ну, что? Бласту не легче?

Петал в неподдельном ужасе округлила свои яркие глаза.

– Не бойсь! Не бойсь! Я никому не скажу, что это заразно! – забубнила безумная, с воодушевлением пуская пузыри слюны.

Энтузиазм желающих прорваться в ворота поубавился.

Тогда старуха, безуспешно попросив окружающих подержать свои подозрительные узелки, начала яростно чесать бока и с интересом заглядывать себе в тёмные прорехи. Тут уж самые воинственные отступили, пообещав, впрочем, наведаться завтра. Уходили все быстрым шагом, стеснительно почёсываясь и отплёвываясь.

Закрыв за гостями калитку, Петал обессилено привалилась к ней спиной. Потом, будто включив слух, помчалась к охрипшим от рёва детям.

Петал любила кормить детей.

И не только из-за того, что умолкал их требовательный голодный ор. Когда они присасывались к ней, всё остальное

в большом мире будто останавливалось. А у неё с детьми наступал такой взаимный покой и умиротворение, словно только они вчетвером существовали в этом, совершенно отдельном, замкнутом, пространстве. В котором никакие угрозы и заботы их ни за что не достанут!

Ей казалось, что вместе с молоком она переливает в детей свою душу. И тем самым распространяет себя за пределами материального тела, заполняет собой окружающее пространство, гармонизируя жизнь вокруг.

... Умирая, великий император города, уже при его жизни названного «вечным», не думал о ни о победах, ни о поражениях.

Его не уже тревожили предавшие друзья и недобитые враги.

Он не вспоминал, ни жену, ни детей. Даже ту женщину по имени тана, что считал своей матерью.

Одно и то же странное виденье преследовало его во все его мгновения болезненной слабости и предсмертного бреда: ощущение тепла и защищённости, исходящее от волчьего брюха, под которым он блаженно засыпает, сытый и такой любимый...

4

Наконец, насытившись, дети отвалились и заснули.

На очереди был вопрос: что же делать с Бластом? Серой тенью он молча сидел перед ней, смотрел в упор. Теперь она понимала его, понимала, что он хочет ей сказать. Но помочь по-прежнему не могла. Он не верил.

– Не мучай меня! Этого просто не может быть! Такой ужас просто невозможен в реальности!

– Бласт, не относись к этому так трагически! Ты жив-здоров, и мы вместе! Мы что-нибудь придумаем!

– Так придумай же скорей! Тебя, наверняка, учили этому, ты просто забыла! Ну, скажи!

– Такого не забудешь. Если бы учили, я помнила бы! Не тешь себя иллюзиями. Я бессильна что-то изменить!

– Ты ещё скажи, что я сам виноват! – Бласт хрипло зарычал и уронил тяжёлую волчью голову на пол...

...Вчера утром сон его был разорван хищным когтем месяца на светлеющем небосклоне.

Тёмная лапа наползающей тучи то втягивала его, то выпускала...

И тогда он вонзился прямо в голову, так что треснул ... сон!

Почему он не воспринял это как предостережение?!

Почему не стал осторожнее?!

Даже становясь волком, он всё ещё по инерции использовал человеческие жесты: он так накрыл глаза лапами, будто человек в горе.

Сердце Петал разрывалось от сочувствия и беспомощности.

Нужно было перепеленать детей, но Петал не решилась покинуть свой волчий облик и тем самым оставить мужа без возможности контакта с ней. Став человеком, она отчасти переставала понимать его. А им сейчас надо многое обсудить. И лучше без слов, которые только мешают.

Тогда она по-волчьи начала вылизывать детей, ловко переворачивая лапами и мягкими захватами зубов, демонстративно сердито порывивая. Будто показывая, что пока она занята главным, её лучше не злить.

Бласту так хотелось помочь жене в уходе за тремя младенцами: сыном и сводными братцами-близнецами! Но он не умел этого делать в своём волчьем облике, в котором застрял так глупо.

...Ночью, во время ставшей привычной прогулки, с ним случилось ужасное: он потерял материнский перстень.

Они с Петал обрыскали всю округу, переверорошили кучу

песка, подняли каждую травинку. Перстень так не нашли. Он будто провалился!

Сначала Бласт даже не поверил в окончательность происшедшего. Ужас обрушился с утра, когда он не смог явиться в назначенный час на встречи, запланированные заранее.

Вернее, явиться-то он мог.

Волком.

И в Тан-Аиде его поняли бы. Но не здесь, на Итальянских холмах...

Теперь в человека ему уже, наверное, никогда не превратиться!

Как?! Как он мог потерять перстень?! Ведь Петал его предупредила!

Но магическая вещица была такой старой, такой стёртой! Ободок совсем истончился за время ношения его матерью – жрецом Гиером...

И зачем только ему понадобилось так рисковать!

...Он сам не заметил, как всё больше и больше увлекался волкопревращением.

После безумных трудовых будней, волнений и забот, они с Петал так любили уходить в ночь, сливаться с ней безмолвными серыми тенями!

Его тана многое рассказывала о прошлом своих предков. О жизни странной, незнакомой, причудливой, но принимаемой им с поразительной лёгкостью. От этих рассказов

на сердце становилось тревожно, как от северного ветра или света луны.

У него всплывали, вот странно, послышные воспоминания давно-давно известных ему истин! Воспоминания о свободе, о великолепной жизненной игре, доступной ему в какой-то иной, но тоже его – жизни!

Доигрался.

Что же теперь делать-то? Неужели так и придётся до конца жизни бегать на четырёх?

– Петал, ты ведь меня даже из мёртвых в живые вернула! Помнишь, там, на реке? Неужели вернуть из волчьей в человечью шкуру – это труднее?

– Это не труднее, родной мой. К сожалению, это просто невозможно, – Петал помолчала, раздумывая. – Быть зверем или человеком это личная воля каждого. В это не может вмешиваться никто другой. Этого не бывает, понимаешь?

– А Чиста тогда, в доме Атея, превратила тебя!

– Нет, тогда она просто вернула меня в сознание. А превратилась я уже сама!

– А твоим перстнем я, действительно, не смогу воспользоваться, чтобы превратиться?

– Возьми, попробуй, если не веришь мне.

– Тебе-то верю. Но я не могу поверить, что этот ужас навсегда! Не могу поверить, что насовсем потерял возможность взять на руки сына и поцеловать его, а не лизнуть по-

волчьи! Мне хоть бы временно стать человеком, разобраться с подрядами и закупками. Как я подвёл этих людей! А Варис! Как он мог покинуть тебя в такой трудный момент! Подлец!

– Он не подлец. Он просто трус и приспособленец. А вокруг нас слишком много слухов и странностей. Он решил побережся.

Бласт решительно протянул лапу к перстню Петал, почти скрытому густой рыжеватой шерстью. Но, как он и ожидал, снять его через подушечку волчьего пальца было просто невозможно. Его собственный слетел, видимо, из-за перетёршегося ободка...

5

– Петал, но это очень не предусмотрительно! Наверняка, я не первый, кто столкнулся с подобной проблемой! Почему же не заложена в перстень возможность передать превращение кому-то, хотя бы родственнику?

– Ты же не можешь передать кому-то собственную возможность насыщаться, слышать, нюхать? Как может кто-то радоваться за тебя? Понимаешь? Так же и возможность превращаться! Она только твоя. А перстень это просто, ... это просто орган, твой собственный орган превращения. Ты утратил его. Это не смертельно. Но превращаться теперь ты не можешь. Как не может видеть человек, утративший глаза.

– Понятно. Но ты не ответила на вопрос: я ведь не первый, кто столкнулся с подобным? Ты о чём-то умалчиваешь? Ну, говори же! Я уже готов ко всему!

Петал принакрыла сонных детей кудрявой овечьей шкурой, пофыркала от прикоснувшихся к чутким ноздрям назойливых шерстинок и прилегла рядом.

– К сожалению, это единственное, к чему ты сам считаешь себя неготовым...

– Что? Опять ты о своём? Я не поеду туда, Петал! Сколько можно говорить об этом? Тем более в таком виде! Да я из дома выйти не могу! Ты хочешь, чтобы меня затравили собаками?

– Не очень-то тебя и затравишь! Я видела, как ты дерёшься: ты же раскидал шестерых!

Бласт самодовольно приосанился и демонстративно-равнодушно перетряхнул гриву своей густой волчьей шкуры. Лёг, положив лобастую голову на скрещенные лапы. Сквозь ресницы взглянул на Петал. Что ж, не всё так плохо. Его жена умеет ценить его!

А Петал, проверив мгновенным броском взгляда произведённый эффект, продолжила.

– К тому же, в Крае Белоглазых тан сейчас больше волков, чем собак. Все танаиды-одиночки по приказу старейшин превратились в волков. Окаменели ведь только семейные, не пожелавшие бросить не умеющих ещё превращаться детей. Тебе нужно будет найти этих волков-одиночек.

– Найти-то я их найду! Но для чего? Чтобы вместе горевать и выть на курганах? Они ведь тоже не могут превратиться в людей, несмотря на то, что перстни у них остались! И что толку мне от их компании?

– У вас общий интерес: ты поможешь им, они помогут тебе.

– Как?

– Ты найдёшь белый камень и восстановишь ритуальную гривну. После чего, я уверена, боги простят нас за отступничество жрецов, и жизнь вернётся в Край Белоглазых тан. А потом танаиды помогут тебе.

– ?

– Не спрашивай, как. Я не знаю. Знаю только, что помочь тебе в этой безвозвратной ситуации могут только наши жрецы. Вернее, может захотеть помочь один из них – Старый Гиер. Думаю, к нему, несмотря ни на что, ты всё-таки сможешь обратиться.

Бласт не удержался от досадливого рыка. Но Петал упорно продолжала.

– Понимаю, что тебе страшно даже вспоминать о нём. К тому же, вместе с отречением от бога Тана он, наверняка, утратил своё могущество жреца. Но знания-то остались! Этот выход пока единственный. Он очень опасный и неверный. Но другого просто не вижу.

Бласта буквально распирали дикая какофония чувств: отращение к путешествию в Тановы земли, сочувствие к жене с её явно преувеличенным пониманием долга, досада на себя, растяпу-растеряху. Он вскочил, волнение не давало покоя, он начал метаться по комнате мягкой поступью звериных лап.

Петал с сочувствием следила за ним, понимая, насколько он был не готов к подобному развитию событий. Ему бы ещё немного времени на освоение волчьих навыков, на осознание волчьих привычек.

Но всё сложилось так, как сложилось...

– Может быть, если Старый Гиер не сможет помочь тебе стать человеком, так просто посоветует, как быть? Хорошо бы ещё отыскать Чисту... Может, она что-то придумает.

Но, найти её может только тот, кому она позволяет себя найти...

Бласт внезапно остановился.

– Петал, ты хоть понимаешь, что отправляешь меня на верную смерть? Ты сама-то хоть осознаёшь это? Скажи, тебе меня совсем не жаль? Не жаль расстаться навсегда? Да и как ты здесь выживешь без меня?

Петал смежила веки, пытаясь сохранить равновесие чувств.

– Тебя отправляю не я. Перед тобой выбор. Ты можешь тихо дожить свою жизнь волком. Я и дети будем всегда рядом. Будем тебе помогать во всём, кроме одного: стать человеком с нашей помощью ты никогда не сможешь. В этом тебе в силах помочь только Край Белоглазых тан.

– Там же всё мертво!

– Ил и пепел – хорошее удобрение для новой жизни.

– Но как я попаду туда? Все торговцы напуганы известием о происшедшей катастрофе!

– Торговцы знают: катастрофа уже произошла. А теперь у того, кто первым осмелится вернуться в земли Тана, больше возможностей обогатиться. Я уже знаю, скоро туда отправляется караван из трёх судов.

– И как я попаду на эти суда? В зверинце уличного фокусника?

– Туда хочет плыть Ида, чтобы отыскать своего сына Георга. Она считает, что это он, тот, о ком мы ей рассказывали.

Ты можешь сопровождать её.

– У тебя на всё есть ответ. Будто ты сама всё это спланировала!

Петал с трудом подавила раздражение от напрасного обвинения. Она понимала, что у Блуста это от беспомощности.

Как ей быть? Она совсем не умела говорить о своей любви, нежности, преданности. Она доверяла только поступкам. А Блусту не хватало слов и заверений. Как ей быть? Ей нужно сдержаться, нужно быть терпеливей, иначе они перегрызутся!

Она вздохнула.

– У тебя эти ответы тоже есть. Ты же видишь вещие сны. Только я не сопротивляюсь знакам, читаю их. А ты гонишь их с возмущением и страхом. Не гони, смягчись к ним, вчувствуйся. И ответы на твои главные вопросы придут сами.

Петал не стала добавлять мужу волнений напоминанием о том, что трёхдневное пребывание в волчьей шкуре опасно, оно может стать окончательным. Об этом она решила позаботиться сама.

Удивительное дело: родив сына и тем самым продолжив род, она вдруг ощутила в себе обновлённую и весьма значительную силу. Петал назвала бы это уверенностью в исполнимости своих решений.

Странно... Она ни с кем не контактировала, никого ни о чём не просила. Новая сила будто развернулась, сама вызрев внутри неё. Это радовало и тревожило Петал.

На палубе «Афины» пахло свежеструганным деревом и смолой. Новая, не выбеленная ещё солеными морскими ветрами парусина топорщилась на реях. Хорошее название. Богиня Афина – это целые миры, рождённые из головы Верховного Бога-отца. Афина – это мир амазонок-воительниц. Это мир градостроителей. Это мир Знаний.

Холодная волна, пронизанная радужным весенним солнцем, нетерпеливо похлопывала в борт.

Деревянная статуя богини-покровительницы на носу смотрела на восток своими белыми выпуклыми глазами. Её горделивая шея была вытянута, будто от нетерпения скорей начать путешествие!

Команда спешила завершить все приготовления, не дожидаясь капитанского гнева. Самыми тяжёлыми были бочки с пресной водой. Ящики с провиантом и товарами для продажи – будет ли кому? – тоже были нелёгкими.

Команда кряхтела и упиралась.

Неподалёку покачивались ещё два парусника: «Диана» и «Эвридика», на которых приготовления к дальнему походу в грозные Тановы земли тоже шли своим чередом.

А капитан «Афины» не мог отвязаться от юнца, таскающегося за ним всё утро и умоляющего взять его на борт. Не помогала ни ругань, ни тычки. Капитан обессилел и по-

добрел.

– Ну, на что мне юнга, дурья твоя голова? Мне нужны работники, ты можешь это понять? С силой и сноровкой! А от тебя какой прок? На тебя ж плюнь и перешибёшь!

– На вёслах от меня, согласен, толку мало. Но зато я умею готовить еду на всю команду. Умею петь. А ещё..., а ещё я – грамотный!

Отвернувшийся уже было, капитан остановился.

– О-о! С этого надо было начинать! С того, что ты грамотный! А ну, прочти, что здесь? Сумеешь? – Капитан всё ещё недоверчиво протянул настойчивому парнишке пергамент.

– Сумею, конечно! Это распоряжение, господин капитан. Распоряжение взять на борт женщину с собакой. Сказано, что она заплатит, сколько скажет господин капитан.

– Хм! Ещё собаки мне не хватало! Сколько там они мне заплатят! И где эта женщина? Я никого ждать не собираюсь! Давай обратно пергамент и ...иди! Иди, помогай в погрузке! Но учти, понадобится сбросить балласт – первым полетишь за борт!

Юноша обрадовано помчался по сходням, прихватив с берега несколько коробов с товаром.

В это время какое-то неопределённое существо в лохмотьях, на которое капитан даже не обратил внимания, приняв за береговую побирушку, придвинулось к нему.

– Я женщина с собакой.

Из-за неё выглядывал огромный пёс, похожий на волка.

Капитан только собрался было разразиться привычной бранью, как подбежавшая светлоглазая, нарядно одетая женщина раскрыла перед ним свой кошелёк. Сговорились быстро, поскольку красавица была немислимо щедра.

Погрузка скоро завершилась, и настал момент прощания.

Петал присела перед псом, обняла его. Но, чтобы не привлекать к себе внимания, разговаривала с пожилой женщиной.

– Ида, почему ты ходишь в лохмотьях? Ведь мы с Бластом подарили тебе много новой одежды.

– Когда переполняет внутреннее, ясная моя, на внешнее перестаёшь обращать внимание.

– Не стану спорить. Но сегодня это могло помешать тебе попасть на корабль. Ты выглядишь подозрительно, понапрасну привлекаешь к себе излишнее внимание.

Петал передала ей узлы с едой, одеждой и особо шепетильно вручила аккуратно увязанную в шарф гривну, наказав не раскрывать и никому не показывать, беречь больше всего остального вместе взятого до тех пор, пока Бласт не захочет забрать её.

Бласт вспомнил, как мгновенно увяла и покрылась уродливой чёрной коростой ветка цветущего шиповника, на которую Петал повесила ритуальный обруч, в тот раз, когда он украл любимую в Тан-Аиде. Меньше года прошло, а сколько всего произошло!

Гривна проглядывала сквозь сетку тонкой ткани, будто живое существо. Очень большое живое существо, сквозь пелену дней, отделяющих от грубого насилия, совершённого над ним.

Когда чьи-то руки властно выломали белый камень из гнезда.

Обезглавили белую змею...

Одну из двух проводников природной силы, неразделимо сплетённых, образовавших собой кручёный обруч.

Исцеляющая и ядовитая, добро и зло, свет и тьма – узнаваемые и различимые не сами по себе, а лишь рядом со своей уравновешивающей противоположностью.

Что, в общем-то, и соответствует природе мира сотворённого.

Всякий, кому доступно было чтение перетекающих выпуклых граней ритуальной гривны, понял бы, они говорят о том, что лишь природа может преодолеть природу. Природа, не терпящая насилия над собой. Самонадеянного и высокомерного.

Две змеи. Чёрная и белая. Две силы, постоянно балансирующие и удерживающие мир в равновесии.

Теперь лишь чёрный камень потерянно смотрел на мир из своей болезненно запавшей глазницы.

Одинокому, ему недоступно стало покровительство циклическому обновлению, таинственной изменчивости. Один, он не мог уже управлять приливами и отливами, плодоно-

сиящими циклами женских особей.

Ветви древа жизни замерли в Тановых землях.

– Мне кажется, мы никогда не избавимся от этой вещи! – Бласт был мрачен. – Проще выбросить её прямо сейчас за борт и не заботиться о ней больше. Своих бед хватает!

Петал не выдержала.

– Я ещё в Тан-Аиде предупреждала тебя, что моя судьба тебе не по силам! Ты сам схватился за неё, как за собственную! Не жалуйся теперь!

Прощанье вышло не таким, как обоим хотелось. Бласт вслед за Идой шагнул на сходни.

Особо его нервировало настоятельное напоминание Петал: всегда помнить себя человеком и всегда поступать как человек, не вестись на зов животных инстинктов. Не совсем понятно было, какие контексты имелись в виду. Напоминание купаться по ночам в лунном свете было выполнимее.

...Лазурь воды качнулась в просветах между досками – невинная и сияющая. Глубина казалась нестрашной. По белому донному песку мраморной сеткой скользили лучи, бросками перемещались блестящие рыбки. И небо, и земля, и вода казались простыми и дружелюбными.

Но Бласт был полон гнетущих предчувствий. В Краю Белоглазых тан всё будет не так.

Год тому назад он вместе с приятелем Долихом отправил-

ся в подобное путешествие с совершенно лёгким сердцем, как в избавление от назойливых домашних проблем! Ничто не мучило его. Ничто не страшило. Может быть, потому, что мало знал об этих таинственных землях? Или просто было нечего терять? Приятели надеялись обогатиться и с триумфом вернуться домой. Ан не вышло!

Долих сгинул. А Бласт, повстречавший свою трудную любовь, еле выжил, еле уцелел. Однако вместо того, чтобы радоваться спасению, тихой семейной жизни и успехам в бизнесе, опять он лезет туда, откуда еле успел убраться, где неумолимая смерть чуть не прищемила его! Кто после этого назовёт его умным?

Изломанная.

Грязная.

Всеми гонимая.

Хорошо, хоть жива...

Да хорошо ли?

Она до такой степени была зла на себя, что готова была выпихнуть своё предавшее тело за порог со словами: «Уйди! Ищи себе другого хозяина!» И закрыть дверь.

Может, и впрямь, расслабиться, и будь что будет?

Ох, нет...

Если бы не прямая угроза жизни, разве стала бы она так яростно бороться за неё, постылую?

Давно бы сама приняла яд, как спасение от несчастья и раздирающей злобы! А так – нет, нет и нет!!!

Назло самой судьбе, обошедшейся с ней столь немилосердно! Выжить! Доказать, что всё-таки права, что достойна! Что будет так, как ей хочется!

Да будет ли...

Нет уже сил верить. Нет уже сил надеяться...

Каждое утро просыпаться для новых мучений. И так уже много лет! Когда каждый день тянется невыносимо! А ночь вымучивает так, что не рада рассвету! И всё пустая канитель обыденных, ненужных дел! Сплошная досада!

Хуже всего, что власть и богатство тоже веселили душу лишь сначала. На волне удивления и зависти подруг и знакомых. А потом и это опостылело. Разве что еда была почище. Так что, можно сказать, никаких перемен!

...Выстраивала-выстраивала свою жизнь, тянулась-вытягивалась. И что? Пустые руки. Повисли бессильными плетьюми...

А сколько пришлось хитрить, ненавидеть, даже прибегать к самой чёрной магии! Душу свою изгадить! И всё зря! Всё равно не добились того, чего хотела! Не получила его. Свой заветный приз.

Будто он питается её проклятьями и становится от них только счастливее и отстранённее!

Сколько её уговаривала старая нянька: бросить все мысли о нём! Нет, она, как упрямый мотылёк, кружилась-кружилась около, пока окончательно крылья не сожгла!

И что теперь?

Можно было, конечно, снова попытаться остаться с ним рядом. Он не прогнал бы.

Его улыбка волнует так же, как в юности! Броском счастливого мячика она по-прежнему скачет навстречу! Ах, какое сияние! А его голос по-прежнему выжигает водоворот в душе!

Но эта, белоглазая... Резанула ревнивым взглядом, как алмазом по стеклу! Ноги сами унесли из их дома!

Красота, образованность... Кому это надо?!

*...Сны мучительные не дают покоя. Давильня, а не сны!
Всё лодка, отвязавшаяся от причала и тихо-тихо отплывающая. Пустая.*

Почему это так мучительно?

Только сегодня мелькнуло в серости что-то, будто красное... И она – бегом! По грязным ступеням! К чистой воде!

...Будто пила она там ...белый сок из красного тюльпана...

Боги! Какая чушь! Приснится же такое!

– Курс-то я знаю наизусть, хаживал в эти края не раз! Да что толку? Ныне здесь всё по-другому. Все берега снесло водой! Все карты, все лоции псу под хвост! Как идти? Наугад? Догадайся, попробуй, где тут мели? А то ещё на скалу напорешься! И тю-тю! Рыбам на корм!

Старый капитан имел привычку разговаривать сам с собой и на вошедшего юнгу даже не среагировал. Хотя не заметить того было просто невозможно.

Капитанская каюта, в обиходе называемая «сундук» – единственное отдельное помещение на судне, была столь тесна, что два человека, вместившихся в неё, буквально дышали друг другу в лицо.

Карты Атлантики и внутренних морей грудой лежали на столе, перемежаемые грузиками для удерживания. Но были бесполезны.

После прошлогодней катастрофы, когда гигантская волна, придя из самого сердца океана, расплеснулась-разлеглась на берегах, на полях, на человеческих поселениях, всё стало другим. Освоение этих земель нужно было начинать сначала, заново.

Но самая страшная катастрофа, по свидетельствам немногих уцелевших очевидцев, постигла Край Белоглазых тан – земли, расположенные на востоке, на самом краю исследо-

ванных греческими и италийскими мореходами земель.

Тан-Амазон – столица амазонок, был полностью затоплен. Соседний Тан-Таган – выжжен огнём, пришедшим из морских глубин. «Не иначе, в искупление неведомой страшной вины!» – шептались старушечки на базарах.

Какова ж тогда была вина жителей Тан-Аида перед богами, что все они, окаменев, навеки встали истуканами на вершинах курганов!

Капитан усиленно делал вид, что страшные сказки не пугают его, опытного морехода. Хотя, прежде чем отправиться в путь на своей красавице «Афине», он всё же принёс полагающиеся жертвы к весьма почитаемой в этих местах придорожной статуе богини, называемой местными Минерва.

– Не было раньше таких морей на картах Атлантики! Мёртвое море, Морморное море, Чёрное море! Это кто ж дал им такие названия? Все как одно на разные лады дышат смертью, морморой!

Капитан раздражённо выдохнул, и острый чесночный дух настолько щедро наполнил каморку, что юнга мог бы смело принять именно это за «дыхание смерти».

– Да, издалека шла волна в земли бога Таната, и обозначилась она чёткими метами! Наследила, так наследила! Не собьёшься с пути! Ну и несёт же меня нелёгкая злыми путями!

Юнге пришлось ещё немного продвинуть вперёд кувшин с вином и миску с сухарями и наструганной солониной, что-

бы обратить на себя внимание. Ему хотелось скорей покинуть это помещение, в действительности похожее на запертый сундук, и выйти на воздух. Но у капитана были в отношении его совсем другие планы.

– Нам надо сделать карту! – капитанские круглые, с красными прожилками очи многозначительно завращались у его лица. – Чуешь, какая цена будет у неё, если это будет первая правильная карта? Ты мне должен помочь, раз ты грамотный!

Капитан бережно свернул карты на столике, освободив место для еды. И по-хозяйски надавив на плечо, усадил юношу рядом.

– Ешь смелей! Что ж у тебя такая стать никчёмная? Всякий худой человек продырявленной бочке подобен!

Капитан взыскательно осмотрел юнгу, как инструмент, который собирался активно использовать, удовлетворённо грызнул сухарь и, воображая себя хитрецом, продолжил.

– Я, конечно, сынок, мог бы обойтись и без тебя, я тут и так всё наизусть знаю! Но все эти тонкие линии...

Капитан вытянул руки, заполнив ими всё оставшееся в «сундуке» свободное пространство.

– ...их лучше прорисовывать твоими молодыми пальчиками, а не моими лопатами, – скаля коричневые остатки зубов, он радостно заржал, оттого что нашёл отличный способ решения проблемы.

Юнге выбирать не приходилось. Это был ещё не худший

вариант работы, за которую его согласились взять на борт. Капитан снабдил своего юного картографа кучей устаревших, уже не актуальных после произошедшей катастрофы карт. В каждом порту, где они останавливались за пополнением запаса воды и еды, он ещё и ещё за бесценок скупал устаревшие карты, лоции и описания. По пути им много приходилось спрашивать рыбаков, моряков и просто прибрежных жителей об изменениях береговой линии после подъёма уровня морей.

Свидетельства мореходов, как и их карты, были неизменно путаными и чаще всего отчаянно противоречили друг другу.

У юнги с непривычки уже пестрило в глазах от изобилия этих немислимо сумбурных мелких деталей. Он уже жалел о своей непригодности для работы гребца. Лучше уж на вёслах работать, чем в душном «сундуке» капитана, терпя его нескончаемые поправки и замечания.

Вообще-то в планах юноши не было заплывать так далеко. Ему главное было убраться с Итальянских холмов. Но теперь уже заинтересованный в нём капитан не отпускал «мальша» от себя ни на шаг.

Команда ревновала «хитрого юнца» к капитану.

Им всем поочерёдно выпадало поработать вёслами, особенно в штиль. Один юнец тяжелей грифеля ничего не поднимал! И это было несправедливо! Правда, он мастерски играл на кифаре. Это немного смягчало суровое отношение к нему команды.

К тому же пожилая женщина с собакой, что напросилась к ним в пассажиры и многим головорезам напоминала их полузабытых матерей, явно сочувствовала ему.

Яркими закатными сумерками, когда поневоле заканчивалась работа юнги над картами, они встречались на корме. Где и ютилась Ида, пряча под лавкой свою собаку. Юнга перебирал струны кифары, Ида рассказывала хитроумные истории из жизни богов и героев. Так коротали они вечера.

Одним таким вечером, когда свежий ветер избавил моряков от необходимости проливать пот на вёслах, юнга взял свою кифару. Благозвучное металлическое бряцание тугих струн инструмента ладно сочеталось с посвистыванием ветра вокруг паруса, с плеском воды, с алеющим закатом.

Как от северного ветра или света луны
Покидают мою голову тихие сны.
И несёт меня там, где не мыслил я быть

Даже сам.

Всем, что нужно для счастья, мои будни полны.
Не хватает только ветра и света луны.
И волны, бьющей в борт,
И забот.

Словно гости незваные с чужой стороны,
Ветры с севера дуют, и свет от луны
Вновь тревожит, поёт
И зовёт.

Мелодия завораживала, рефрены округляли-сглаживали все углы-конфликты, юношеский голос был чист и звонок. Но моряки, не желая сознаться во власти над ними таинства пения, сочли своим долгом в очередной раз показать мальцу его настоящее место.

– Да, с такими песнями этот парень не скоро станет толстым и сытым! – Хриплые голоса оборвали мелодичные переборы струн.

– А ну-ка, спой-ка нам лучше про весёлую девчонку!

– Подхватывай! – Рывкнули лужёными глотками с притопыванием босыми пятками.

Эй, привет, длинноногая девчонка!
Большерукая, с глазом, как у жабы,
С деревенским нескладным разговором,
Ты утешить меня бы не смогла бы?

Дальше с восторженным гоготом и гомоном шли описания «утешения» длинноносой девчонкой страждущего моряка.

– Хеп-оп! Хеп-оп! Хеп-оп-па!!!

Горлопаны так увлеклись, что аккомпанемент уже был лишним. Юнга тихо отошёл от поющих.

Когда один из моряков приблизился к нему, он сначала подумал, что его отсутствие замечено и певцы снова зовут его аккомпанировать. Но огромный чернокожий Варис, источая запах остывающего пота, заговорщицки навис над ним.

– Слышь, малыш, давно хочу спросить у тебя, да всё не с руки: солдаты там, на берегу, разыскивали женщину, отлучённую от воды и огня, изгнанницу с двумя детьми. ... Не тебя ли?

Юнга ответил дерзким взглядом.

– С чего вдруг?

Но Вариса это не сбило.

– Ты ведь ...девчонка? Я видел, как ты при загрузке рассматривал..., э-э..., рассматривала драгоценности. Парню-то это ни к чему. Да и питаешься ...одними апельсинами.

По ответному растерянному, беспомощному взгляду Варис понял, что догадка его верна. Он удовлетворённо хохотнул.

– Что ж, пусть кретины горланят про длинноносную дев-

чонку. А у нас с тобой сейчас начнётся своё веселье. Он подгрёб тонкую фигурку под себя, грубо задрал на ней холщовую рубаху.

Волчий бросок был мгновенным.

Варис не успел опомниться, как уже лежал, неловко уткнувшись ушибленной головой в бухту канатов, а желтоватые клыки в подрагивающих в угрожающем рыке губах нависли над его лицом.

Лия передвигалась теперь перебежками между «сундуком» капитана и кормой, где обосновались Ида с собакой. Да и то, только предварительно оглядевшись, нет ли поблизости Вариса, занят ли он делом настолько, что не прицепится снова к ней.

Не случись внезапное заступничество странного пса, жизнь её развернулась бы настолько круто, что могла и вовсе сойти на нет.

Дрожь пробивала при одной мысли об этом.

Как расценили бы её проникновение на судно в мужском платье моряки, так ревностно следящие за «юнгой-бездельником»? Да и сам капитан, её главный защитник, вряд ли был бы в восторге.

Она так и не поняла, с чего эта страшная, рыжеватая, так похожая на волка, псина бросилась ей на выручку?

А если бы Блеста спросили, зачем это ему понадобилось наживать себе врага в лице Вариса, своего бывшего управляющего, злобный характер которого он знал достаточно хорошо, он и вовсе не смог бы ответить.

Разве что природным легкомыслием он мог бы объяснить заступничество за свою молодую мачеху, которую, конечно же, сразу узнал в хрупком юноше, так настоятельно стремящемся обратиться подальше от Италийских берегов. От вол-

чьего дальнорозкого взгляда не укрылось и её желание избежать встречи со стражниками на берегу.

После трагической гибели мужа Лии пришлось спастись бегством вместе с новорождёнными близнецами. Счастьем оказалось, что детей согласилась приютить и выкормить жена пасынка, Петал.

Лия не скучала по младенцам.

Рождённые от нелюбимого, они не заняли места в её сердце. Ей нужно было срочно скрыться от убийц мужа, спасти свою жизнь, а дети связывали ей руки. Она была несказанно рада избавиться от этого балласта. Ей хотелось начать новую жизнь, напрочь забыв обо всём, что привязывало её к семье мужа.

Любовь к пасынку истерзала её.

Оставив в доме Бласта не нужных ей детей, она решила, что не увидит его уже никогда. Не оставит для себя никакой возможности ни для любви к нему, ни для ненависти. Впервые за много лет она испытала облегчение, будто снова была молода, свободна и беспечна. Ей удалось втереться в доверие к капитану, который был просто помешан на составлении новых карт для мореходов.

Править карты она не умела. Но капитан и слушать не желал возражений. И, странное дело, у неё всё начало получаться! Капитан был страшно доволен. А команда, видя это, не смела проявлять свою завистливую ревность. До недавнего времени.

Как удалось этому зловещему Варису понять, кто она на самом деле? Она-то считала себя сильной актрисой, безупречно разыгравшей свою роль! Напрасно! Мужской костюм теперь сидел на ней коробом, настолько ожидала она разоблачения. Тихо чахла под многозначительными усмешками Вариса, подкрепляемыми сверканием затачиваемого ножа.

Она бы давно удрала в одном из портов, куда они заходили. Но, похоже, эта мысль посетила не только её. Поскольку на стоянках капитан не спускал глаз со своего любимчика-юнга. Теперь она ежесекундно ожидала громогласного, позорного разоблачения. Но что-то останавливало Вариса. Понять бы, что.

Она видела только, что не одна она постоянно следит взглядом за слишком догадливым матросом. Пёс, которому она была обязана спасением, тоже не давал Варису расслабиться. И к сверканию насторожённых глаз порой добавлял угрожающее посверкивание клыков.

Лия нервничала.

Казалось бы, ей в самый раз испытывать благодарность к псу-спасителю. Но когда она однажды решила дружески потрепать его за ухом, жест, который любят все собаки, странный пёс так рыкнул на неё, что теперь она не только не притрагивалась к нему, но и боялась встречаться взглядом. А он имел странную манеру по-человечески смотреть в глаза.

Это напрягало.

Выручала блаженная доброжелательность старой Иды. Только рядом с ней Лия и отдыхала.

Однажды капитан приказал пристать к берегу, чтобы подкормить команду горячей пищей. Варис перерезал горло овце, поигрывая длинным ножом и косясь на Бласта. Принёс положенную жертву Афине и начал умелыми движениями ножа разделять тушу.

Бласт был дико голоден.

Застрав в волчьем обличье, он в полной мере ощутил потребность насыщения именно сырым мясом.

Они с Идой не могли себе позволить подобного роскошества на виду у всей команды. Собаку не принято было так баловать, когда люди недоедали. А сухари и солёные щепки солонины совершенно не прельщали Бласта. Он обрыскал уже окружающие расщелины, с отвращением сожрал нескольких крабиков. Но разве это была еда! Вот бы баранинки!

Он исподлобья наблюдал за священнодействием Вариса, разделяющего овцу. Тот издевательски возносил в воздух куски мяса, демонстративно нюхал их, потом медленно погружал в кипящий котёл.

Бласт был уверен, что даже если Ида и попросила бы для него кусочек требухи, не получила бы желаемого. Это был бы только ещё один повод для унижения. Давясь голодной слюной, Бласт прикрыл предательский нос хвостом и задремал.

...Нос – хвостом...

...Нос хвостом осеняя, пролилась кольцами лунного света на землю белая змея. Тело её длилось, перетекая бесконечно. Белизна его сияла-высветляла окружающую тьму.

Свернувшаяся привольными изгибами белизна связывала и отпускала, ограничивала и соединяла. До самого кончика хвоста, вложенного в жаркую пасть!

А под белизной светилась живость, буро-красная, трепещущая и тёплая.

Она струилась, светясь, будто дорога, наполненная и дающая жизнь. И повороты её напоминали жизненные: чтобы продвинуться вперёд, надо было взять разгон и назад откатиться.

Чудный змееобразный лабиринт!

Но стоп! Дорога извернулась плотным узлом! Болезненным заворотом! Грозящим смертью!

Бласт с ужасом проснулся. Ида пристально смотрела на него.

– Пора! Отплываем!

Бласт и хотел бы рассказать ей свой сон, но она не понимала его. «Вот, посмотрелся на вожаки бараньи кишки, снится теперь всякая дрянь с изгибами! Хоть гадай по этой требухе! Аж вспотел весь от жути!» – Бласт подскочил и, взъерошив густую шкуру, отряхнулся. От берегового песка. И от гудящих мыслей.

После прохода Босфора оставалось всего ничего до цели путешествия. Непогода не оставляла «Афины». Команда нервничала. Два других парусника, вместе с которыми они отправились в поход, как-то растворились в сбитне опускающегося неба и взлетающих волн.

Капитана уже не волновало, остались ли там, на побережье, причалы? Да и люди, с кем вести торговлю, – остались ли? Его уже не заботили даже новые карты. Он метался с одного борта на другой, орал на команду, нервно грыз кулак.

А море, называемое на старых картах «Амазонский понт», настолько изменилось, что стало неузнаваемым. Изменились его очертания, да и сам дух. Не зря, видимо, успели прозвать его Чёрным. Дружелюбным оно не выглядело!

Капитан, считающий себя лихим мореходом и всегда презиравший каботажное плаванье, на этот раз плюнул и решил продвигаться вдоль берега, опасаясь неисследованного водоёма подозрительно тёмного цвета. Вода колыхалась черным-черна, будто нафа. Казалось, поднеси огниво – море загорится!

Бласт лучше других понимал боязнь капитана. Уж он-то видел, как горело море год назад, издавая отвратительную серную вонь. И сегодня ещё над водой продолжал стоять

остаточный запах серы, будто над исчадием ада.

Моряки, пытавшиеся по привычке наловить рыбы, были удивлены полной безуспешностью этого предприятия. После этого море показалось им ещё черней! Что это за водоём, в котором даже живность не водится!

Бласту, и так не ждавшему ничего хорошего, это и вовсе показалось дурным предзнаменованием!

Вскоре в небе воцарилось полное безумие. Молнии стригли водяные струи, как бешеные. Громы взламывали все мыслимые представления о верхе и низе, кувыркая парусник, как никчёмный листок. Небо кулаками туч лупило с маху по водной поверхности, взбивая её в пену. Волны хлёткими оплеухами обрушивались на «Афину», выстраивали рядом с ней целый город стен, и тут же обрушивая их, будто затем, чтобы показать, что даже такое великолепие кратковременно. Что уж мечтать о большем ничтожестве, типа человеческого судёнышка!

Ценой огромных усилий капитан отвёл судно подальше от берега, чтобы не оказаться выплеснутым на прибрежные скалы разъярившимся молодым морем. Вода бешено вскипала белейшей пеной, подхватывала парусник, и кружила, и подбрасывала ввысь, и упускала в глубь впадин морских – до спазмов в кишках!

Тьма небесная и тьма морская в круговороте молниеносно менялись местами. А взъярившийся бог морских пучин всё продолжал щедро нарезать глубину высоченными стружка-

ми волн, будто масло горячим ножом! Каждая из этих кружевных стружек так и норовила закрутить в себя «Афину». Но пока капитану удавалось храбро взрезать их грудью величественной богини Афины на носу парусника.

Шторм длился уже несколько дней.

Паруса давно сняли, но это не сильно помогло.

Команда обессилела в непрерывной борьбе за плавучесть судна. Без сна, без отдыха, без нормальной еды. Те, кто отработали смену у руля или с вёслами, «отдыхали», вычерпывая воду, щедро заливавшую беззащитную посудину. Ида вместе с Лией тоже безостановочно трудились с черпаками.

Только Бласт ничем не мог помочь. И ему было хуже всех. Никакая деятельность, не могла отвлечь его от грозящего ужаса погружения в кипящую бездну. К тому же, цепляться за спасительный поплавок парусника в этом взбесившемся водоёме он мог только зубами!

Ида, по примеру капитана, привязавшего себя к штурвалу, прицепила к Бласту обломок доски. Потом, поразмыслив, и себе с Лией соорудила такие же поплавки.

На третий день шторма потрёпанный парусник не смог без потерь выбраться из очередного круговорота воды и ветра. Словно наказанная за несгибаемость, мачта треснула и вместе с остатками реи рухнула на капитанский «сундук», разнеся его в щепки!

Бласту, затаившемуся по соседству, досталось больше всех. Его основательно зашибло рухнувшими обломками.

Ида ахнула. А Бласт, с трудом выбравшись наружу, попал под ноги несущемуся Варису. Тот с удовольствием от безнаказанности со всего маху отшвырнул ненавистного пса. Мокрый, исхудавший, а теперь ещё и окровавленный, зверь производил жалкое впечатление.

Что осталось от красавчика Блуста, любимца всех афинянок от тринадцати до тридцати? Когда-то он и не подозревал даже о самом существовании Края Белоглазых тан, столь могущественно вмешавшемся в его судьбу... И вот теперь...

Он превратился в никчёмное облезлое животное, которое даже его бывший слуга раздражённым швырком ноги убирает со своего пути! Вот результат всех его жизненных стараний, всех его потуг!

А перспектива – на выбор. Смерть от ножа Вариса или на дне этого бешеного моря. А если повезёт, миновав эти две смерти, можно сберечь себя для зловещих жрецов Края Белоглазых тан. Те уж на этот раз не промахнутся! Слишком давно собираются прикончить его. Слишком уж вожаделенной мишенью он для них является!

Бласт, угрюмо сторонясь с трудом перемещающихся мимо него моряков, и с привычным уже отчаяньем косясь на поднимающиеся раз за разом пенные валы за бортом, размышлял над превратностями своей судьбы.

Его единственная, неповторимая жизнь. Судя по всему, пора подводить итог. Из этой передрыги ему уже не выбраться. Почему ему выпала такая странная судьба? Есть же люди, живущие свою жизнь тихо, семейно! Почему у него по жизни такая жестокая болтанка? Такое нагромождение странностей и невероятностей? Для чего и кому это надо было, чтобы после удивительного взлёта личного счастья в жизни – вновь швырнуть его в шкуре твари бессловесной и бесправной в глубины отчаянья?

Кто прописал такой сценарий? С какой целью?

А сны? Зачем он постоянно получает какие-то полупонятные наводки, намёки? Зачем ему дано всё это?

Будто в ответ – память услужливо подсунула Бласту давнее-давнее воспоминание о случайно вырвавшейся у него страстной молитве в отцовском саду, обращённой к любимому богу счастливого случая Кайросу. Молитву о ниспослании крутых перемен в унылом бытии.

Выпросил.

Унылой его нынешнюю жизнь точно не назовёшь!

...Зато какие упоительные взлёты, так похожие на эти взмахи волн, на самой грани жизни-смерти, – доступны были ему с Петал! Только она, одна она, умела наполнить вкусом, и цветом, и музыкой – в общем, смыслом, каждую секунду его бытия!

Все последние события жизни прокатилась колесом перед его мысленным взором: пир в Тан-Аиде, где он впервые повстречал свою удивительную ясноглазую любимую; шок от увиденной им впервые Петал в облике волчицы; пьянящее состояние безграничной свободы, испытанное им вначале после превращения в волка; рождение сына, такого же белоглазого, как Петал.

Мысленно он уже попрощался с женой и сыном, пожалев о том, что, расставаясь, был раздражён. Она составляла главное счастье его жизни. И сын. И его маленькие братья, которых выкармливала его Петал. Как жаль, что случай вынудил расстаться с ними, теперь уже навсегда!

Тем временем «Афина», вынужденно отпустив крайнюю точку взлёта на гигантскую штормовую волну, начала своё ужасающее скольжение по ней в самую глубину тёмной морской пучины.

И сердце Блеста, вслед за ней опустилось в пучину разочарования, раздражения и злобы. Петал всё-таки добилась своего, против его, Блеста, воли. Как он ни пытался избежать этого путешествия, всё равно сложилось всё так, что он не смог увильнуть. И чем всё это закончится – одним бо-

гам известно. Он-то – так берёт её! Заботился о ней! А вот то, что она так настоятельно отправляла его в Тановы земли, заботой не назовёшь! Оказывается, она всегда думала только о своём долге! Любила ли она его вообще когда-нибудь? Можно ли верить её словам? Воистину, то, что говорит женщина любящему её человеку, писано на ветре и быстротекущей воде...

...Углубившись в мысленное прощание со всем, что было ему дорого, Бласт пропустил момент, когда парусник, так и не успевший выбраться из водяной впадины, грохоча, накрыла следующая волна! Толкнула жалкое судёнышко в глубину, будто в ненасытную тёмную пасть! И оно, из последних сил потянувшись к поверхности, распалось, словно ореховая скорлупка под ударом нестерпимо тяжкого водяного пресса! Волна победно закрутила кораблик, веером рассорив с него людей, бочки, ящики, обломки досок с бортов, не выдержавших бешеного напора...

Прежде чем кувырком погрузиться в морские глубины, Бласт снова вспомнил про Кайроса, чего не делал много месяцев.

– Всемиловитый Кайрос, – взмолился он отчаянно, – бог тончайшей грани бытия и небытия, дай мне счастливый случай исполнить то, что мне предназначено! Не пресеки тонкую нить сущего своим небрежным жестом! Спаси! Спаси меня!

И щедрым божественным повелением Бласту было пода-

рено ещё несколько мгновений осознанной жизни. Но за них он пережил многое, многое! Угасающий волчий взгляд ещё успел рассмотреть сквозь толщу рассекаемой его звериным телом воды извилистую змееобразную белизну из последнего сна. Присмотревшись, насколько это было возможно, Бласт признал в извилистых белёсых переходах расходящиеся концентриками улицы затопленного города!

Тан-Амазон!

Это же город амазонок из Тановых земель!

– Так мы были совсем рядом! – Кольнуло едкое сожаление. – Бешеный шторм принёс нас туда, куда мы и сами стремились! Мы были почти у цели!

Мимо тонущего Блеста тут и там уходили в глубину обездвиженные человеческие фигуры захлебнувшихся моряков, ящики с рассыпающимся товаром и множество всяких неопознанных теней. Сознание успело зафиксировать удивление: столбы лунного света, пронзающие морскую глубину, и в самом деле, зелёные!

Всё так, как рассказывала Петал!

Вот он, Бласт, мягкой поступью волчьих лап идёт по белому лабиринту к центру...

На что это так похожи покрытые белёсым налётом изгибы подводных улиц со всеми своими поворотами, вывертами и тупиками?

Да-да! Конечно! Всё удивительно узнаваемо! Это же га-

дание по внутренностям, которое было у него во сне! Выходит, неспроста снились ему эти вкусные бараньи кишки! Своими изгибами так похожие на покрытые белёсым налётом улицы затопленного города амазонок!

Бласт подивился своей способности предвидеть происходящее. Вяло посетовал на себя, не принимающего всерьёз столь щедро поступающие предостережения.

Волчий дальнзоркий взгляд затянул его к мерцающему впереди центру лабиринта – городской площади Тан-Амазона.

А это что?

Что это за росчерки углов и поворотов?

Сознание уловило динамику движений, повторяющих таинственные изгибы орнамента лабиринта городских улиц. Хорошо знакомый с греческим геометрическим орнаментом, популярным в родных Афинах, Бласт знал и о символике лабиринта.

Дойти до центра в лабиринте – значило, умереть, а выйти – возродиться.

Сознание гасло... Мысли, будто намокнув, ускользали, утекали...

Бласт почти смирился уже со своей гибелью на дне этого нового Чёрного моря. Одна мысль тревожила его напоследок: он не выполнил главного, для чего был послан, ради чего, собственно, и затевалось его таной это путешествие. Он не нашёл белый камень. Не восстановил ритуальную гривну.

У него не хватило сил и удачи для возрождения Края Белоглазых тан! Кайрос не сжалился!

Ему оставалось только смириться с переходом в иной мир. Путь в который шёл столь прихотливо извернувшейся петлей...

...Петля с прицепленной доской, накинутая предусмотрительной Идой, преодолела, наконец-таки водяной водоворот и требовательно потянула его тело кверху. Где ждал его очередной завиток волны и стремительный бросок на прибрежные скалы.

Чёрный шум

1

Табун диких коней забрёл в приморскую степь издалека. Ночь, нетоптанные пастбища, вкуснейшая трава, роднички-речки переливистые. Всё бы хорошо. Но осторожность не помешает.

Пока кобылы насыщались, жеребец—вожак, сторожко задрал голову, водил ноздрями по ветру.

Вокруг никого. Абсолютно никого. Даже зверья никакого не видать. Только безмолвные каменные истуканы. Но они-то не опасны!

Но что-то всё же его тревожило. Не давало возможности отпустить свою заботу и переключиться на удовольствие насыщения и отдыха.

В степи гуляли только кони и ветер.

Ветер его тревожил? Да нет...

Звуки непонятные?

Звуков не было. Было какое-то тревожное то ли гудение, то ли глубинный рокот. Отголоски событий, возможно, и не имеющих к их лошадиной жизни никакого отношения!

Вдруг раздалось негромкое шипение. И, как по команде, из травы поднялись десятки змеиных голов.

Ну, конечно! Вот оно!

Кони зафыркали, заволновались. Но не посмели ускакать.

Змеи раскачивались вместе с высокой травой под ветром.

Переговаривались невидимо.

Кони не понимали змеиных речей. Но сопутствующее ощущение гудящей тревоги было доступно им. Эта тревога и разгоняла кровь в их телах.

А змеи, упруго раскачавшись на кольцах хвостов, вдруг разом взвились в воздух! Будто плётки степняков упали на спины коней! И кони знали, что ими уже руководит чужая воля, не подчиниться которой – значит, не жить!

Кольца хвостов, будто витки браслетов, выкованных в тайных горнилах Тан-Амазона, выпускали из себя одну дикую всадницу за другой. Кони тревожно прядали ушами, но трусили удариться в бегство.

Тут произошло нечто неожиданное. Рогатой тенью со стороны луны безмолвно поднялся волчий силуэт.

Табун встрепенулся.

Ужас, множимый взаимно, оказался не подвластен змеиному контролю. Ржание, скорее похожее на рёв! Удары копыт по тугой дернине, как заколотившееся сердце! Залитые кровью яблоки глаз!

Миг, и взбесившийся табун будто снесло в лощину!

Взвившийся на дыбки жеребец, чьё везенье оказалось не быть осёдланным первым, первым подал пример неповиновения.

И кобылки, кто капризно брыкаясь задом, кто поднявшись в рост, кто бочком-бочком, – своенравно рассыпались из кулака железной воли амазонок.

Как собрать легковесные песчинки, носимые ветром понад степью? Подобными вопросами амазонки не увлекались!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.